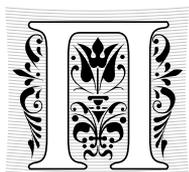

Исторический вестник. 2023. Т. XLVI

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.002

Т.Ю. Кобищанов

ВОЙНА ЭНРИКО ФРАНКИНИ. РОССИЙСКИЙ АГЕНТ В ОСМАНСКОМ ПОХОДЕ НА ЕГИПЕТ (1799–1800 гг.)

равящие элиты Московского царства не были моноэтничными. Многие знатные российские роды гордились своим скандинавским, литовским, тюркским и иным происхождением, при этом в подавляющем большинстве их члены исповедовали православие и в быту говорили на русском языке¹. Ситуация изменилась в XVIII в. Проводимая Петром I (1682–1725 гг.) модернизация потребовала привлечения значительного числа специалистов из Западной Европы. Расширение Российского государства все более превращало его в полиэтничную и многоконфессиональную империю. Интеграции западноевропейского дворянства в состав правящего «благородного» сословия способствовала веротерпимая политика, намеченная Петром I и продолженная его преемниками².

¹ Отдельные полки иноземного строя под командованием офицеров из Западной Европы и небольшое число служивших царю представителей мусульманского привилегированного сословия (в частности, из сохранявшего автономию Касимовского ханства) лишь подчеркивали общую конфессиональную и языковую монолитность московской знати.

² Цветаев Д. Положение иноверия в России: Историческое обозрение. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1904. С. 7–8.

Проникшаяся идеями Просвещения немецкая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, в результате дворцового переворота ставшая российской императрицей Екатериной II (1762–1796 гг.), значительно расширила политику толерантности; некоторые ее положения были распространены даже на старообрядцев, мусульман и иудеев³. Не все представители новой европейской знати охотно шли на службу царскому правительству. Большая часть польско-литовской шляхты, попавшей под власть Санкт-Петербурга в результате разделов Польши (1772–1795 гг.), сохраняла оппозиционность, неоднозначной была и политическая позиция остзейского немецкого дворянства. Вместе с тем в XVIII в. значительно выросло число выходцев из знатных родов Западной Европы, переезжавших на восток континента с целью поступить на российскую службу. Многие из них проявили себя на дипломатическом поприще, в том числе стали первопроходцами в военно-политическом проникновении России на Арабский Ближний Восток.

Первым в этом ряду следует назвать Ивана Войновича (ум. 1791), представителя переселившегося в Далмацию знатного сербского рода. В годы Архипелагской экспедиции (1769–1774 гг.) Войнович примкнул к вошедшему в Средиземноморье российскому флоту, в 1772 и 1773 гг. участвовал в боевых действиях у сирийских берегов, в частности в осаде и последовавшей оккупации Бейрута (июль 1773 г. — январь 1774 г.). Офицерский чин и знание итальянского языка, а возможно, и распространенного в Средиземноморье *lingua franca* сделали Войновича главным переговорщиком с арабской знатью. В сирийских хрониках из всего состава российской эскадры упоминается только *кунт Джуванни*⁴ («граф Иван»).

Во второй половине XVIII столетия интерес России к Арабскому Востоку развивался волнообразно, усиливаясь в годы войн и ослабевая в мирные периоды. В следующий раз после Архипелагской экспеди-

³ См.: *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М.: Уникум-центр, 1999; *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М.: МПГУ, 2004.

⁴ *Аш-Шихаби ал-амир Хайдар Ахмад.* Тарих Ахмад баша ал-Джаззар (История Ахмад-паши ал-Джаззара). [Бейрут], [1955]. С. 52; *Трад 'Абдаллах ибн Михаил.* Мухтасар тарих ал-асакифа ал-лазина ракку мартабат риасат ал-кахнут ал-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002. С. 96; *Йанни Джирджи.* Тарих Сурийа (История Сирии), Байрут фи-л-мусаннафат ал-'арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов) / Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995. С. 114.

ции Санкт-Петербург обратил внимание на Арабский мир в 1780-е гг.⁵ В 1782 г. императрица Екатерина II озвучила своему австрийскому коллеге Иосифу II (1780–1790 гг.) план раздела Османской империи, а уже в 1783–1785 гг. континентальную и островную Грецию, юг Балкан, важнейшие порты Восточного Средиземноморья покрыла сеть из 15 российских консульств. В арабских провинциях предполагалось открытие генеральных консульств в Александрии и Сайде, вице-консульств — в Дамаске и Бейруте. На все должности глав этих дипломатических представительств были назначены российские служащие иностранного происхождения.

Наиболее известна из них фигура барона Конрада Тонуса, австрийского офицера, в 1785 г. ставшего первым российским консулом в Александрии. В начале Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Екатерина II поручила барону Тонусу произвести в Египте «диверсию»: заключить сепаратный договор с правившими страной бейями, уроженцами Грузии, Северного Кавказа и юга России. Заинтересовавшись предложением, бейи отказались выдать барона османским властям и стали ждать, появится ли в Средиземном море обещанная российская эскадра. Однако намеченная Вторая Архипелагская экспедиция в ходе данной войны так и не состоялась, и Тонус поплатился за это жизнью.

Генеральным консулом в Сирии был определен уроженец Тосканы Карло (Шарль) Ферриери, вице-консулом в Дамаск — секунд-майор Дмитрий Мазгана⁶, в Бейрут — капитан Реджис Коронелли. Ферриери и Коронелли были членами итальянских семей, уже подвизавшихся на российской дипломатической службе: родственники первого занимали консульские посты в Салониках, Смирне и Порто-Феррайо (о. Эльба), второго — на о. Хиос. Впрочем, из всех определенных в Сирию консулов до места назначения добрался, причем с большим опозданием, только Карло Ферриери. Сделать успел он крайне мало. 13 августа 1787 г., через три месяца после прибытия итальянца в Сайду, началась война, и российское дипломатическое присутствие в Османских владениях было спешно свернуто.

Новый этап российского интереса к Арабскому Востоку был вновь связан с войной, но на этот раз Санкт-Петербург и Стамбул выступали не как противники, а как союзники. Вторжение французской армии

⁵ Подробнее см.: *Кобищанов Т. Ю.* Греческий проект Екатерины II и Сирия // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* 2017. № 2. С. 3–25.

⁶ Отец декабриста, члена Общества соединенных славян П.Д. Мазгана (1802–1843).

Портрет Селима III. Художник Константин Капидаглы. 1803 г.

в Османский Египет в июле 1798 г. было расценено султаном Селимом III (1789–1807 гг.) как вероломное предательство. Дополнительными аргументами, повлиявшими на внешнеполитическую переориентацию османских властей, стали действия в Восточном Средиземноморье английской эскадры Горацио Нельсона, а в Черном море — российской эскадры Ф.Ф. Ушакова. Под угрозой блокады Дарданелл и Босфора Высокая Порты⁷ в сентябре 1798 г. объявила войну Французской республике⁸. Практически незамедлительно союзный российско-османский флот двинулся на завоевание французских владений в Адриатике. Весной 1799 г. в поход на Сирию и Египет стала готовиться основная султанская армия под командованием *садразам*⁹ Йусуфа Зийа-ад-дина-паши (1798–1805 и 1809–1811 гг.) по прозвищу Кёр («Слепой»)¹⁰.

⁷ Порты или Высокая Порты (*Баб-и али* — осм. «Высокие врата») — резиденция садразам (великого везира) и с 1654 г. место заседаний Имперского совета. В конце XVIII в. термин стал употребляться в значении правительственного учреждения, управления великого везира, а в XIX в. — как обозначение османского правительства.

⁸ Подробнее см.: *Кобищанов Т.Ю.* Преодолевая старые обиды: Османский путь к подписанию союзного договора с Россией в 1798 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 98. С. 1–30.

⁹ Садразам — глава Высокой Порты, в европейской традиции обычно именовался «великим везиром». Выступал в качестве личного представителя султана с чрезвычайно широкими полномочиями.

¹⁰ В молодости Йусуф лишился глаза во время игры в *джерид* (метание дротиков во время скачки).

Русская эскадра Ф.Ф. Ушакова в Константинопольском проливе.
Художник М.М. Иванов. 1798 г.

Вхождение в союзнические отношения предоставило Англии и России уникальную возможность направить своих представителей в султанскую армию. Османским властям было нелегко на это пойти. Мнение значительной части стамбульского руководства выразил один из отставных сановников, заявивший, что прежде европейцы «знали магометанскую Державу только по войне с нею, то есть, наружно: а ныне по союзам узнают ее внутренно; что кажется ему всего опаснее»¹¹. Турки осознавали свою зависимость от военной поддержки союзников, не доверяли им и боялись их. Среди чиновников в османском правительстве и в султанском окружении бытовала версия, что союзные державы готовят территориальные захваты: Англии должны достаться Родос и Кипр, а России — Молдавия и Валахия¹².

Однако российские и британские дипломаты были настойчивы в требовании назначить уполномоченных агентов в действующую армию. Как докладывал посланник в Стамбуле В.С. Томара¹³ императору Павлу I (1796–1801 гг.): «ничто не представляет столько внутреннее существенное состояние Империи Оттоманской, как приключения на походе с армиею Верховнаго Визиря»¹⁴. Соппротивление османских вла-

¹¹ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 90 «Константинопольская миссия». Оп. 1. Д. 1415. Л. 65 об.–66. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 октября 1799 г.

¹² АВПРИ. Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 8. Д. 896. Л. 85 об. Реляция В.С. Томары от 17/28 октября 1799 г.

¹³ *Василий Степанович Томара* (1740–1813) — российский дипломат греко-украинского происхождения. Деятельно участвовал в заключении в 1783 г. трактата о принятии Каргли-Кахетинским царством российского протектората. В 1797–1802 гг. состоял на должности посланника в Константинополе.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 892. Л. 58 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/27 июня 1799 г.

стей удалось сломить, и 12 апреля 1799 г.¹⁵ Томара сообщал царю, что считает необходимым отправить с войсками «верного и способного» человека в официальном статусе драгомана¹⁶, который «мог бы быть каналом верных известий и сообщений... с [османским] главнокомандующим»¹⁷. На эту позицию посланник рекомендовал коллежского асессора Энрико Франкини¹⁸.

Итальянский род Франкини (Franchini) принадлежит к числу наиболее знатных семей севера Италии, первые его упоминания относятся к 1066 г. Энрико происходил из ветви, проживавшей в старинном тосканском городе Пистойя¹⁹. Его отец Пьедро в российских формулярных списках упоминается под титулом графа²⁰, но в перечне выдающихся семейств Пистойи род Франкини значится как просто дворянский²¹. Нам известно, что Пьедро был по образованию врач, а впоследствии служил генеральным консулом Венецианской республики на Кипре. Как минимум часть его сыновей, выросших в итальяно-турецко-грекоязычной среде, продолжила карьеру отца. В 1776 г. Франческо Франкини (род. 1757) начал работать в венецианской дипломатической миссии. В декабре 1797 г., после ликвидации Республики, Франческо «со всеми родственниками»²², в число которых входил его брат Антонио (род. 1770), перешел на французскую службу. Решение оказалось неудачным. В ноябре 1798 г. весь персонал французского посольства был арестован османами. Почти два десятилетия спустя, в ноябре 1817 г. Ан-

¹⁵ Даты в основном тексте статьи указаны по григорианскому календарю.

¹⁶ Драгоман — от араб. *тарджуман*, в османском произношении *терджюман* — «переводчик». В Средние века слово с различной вокализацией перешло в основные европейские языки. В Османской империи на должности главных драгоманов Порты вплоть до 1821 г. преобладали этнические греки. Нежелание мусульманской верхушки изучать европейские языки сделало драгоманов незаменимым каналом связи османского правительства с европейскими державами. Многие из драгоманов превратились в значимые политические фигуры, для некоторых эта позиция стала ступенью к занятию должности господарей Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

¹⁷ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 6. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 апреля 1799 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Один из уроженцев Пистойи, Франческо Франкини (1805–1875), стал известным политиком, борцом за объединение страны и министром образования в первом итальянском правительстве.

²⁰ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 464 «Формулярные списки». Д. 3451. Л. 1 об.

²¹ *Capponi V. Biografia Pistoiese o notizie della vita e delle opera dei Pistoiesi. Pistoia: Forni, 1878. P. 199–202.*

²² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, Оп. 464. Д. 3451. Л. 1 об.

тонио поступил работать в российское посольство в Стамбуле на должность помощника 1-го драгомана²³, а весной следующего года позицию 1-го драгомана российской миссии занял Франческо²⁴.

Антонио и Франческо были не первыми представителями семейства, кого судьба привела на российскую службу. В 1785 г. «при Константинопольской миссии студентом» был определен средний из братьев Франкини: 16-летний уроженец Пистойи Энрико, «не имевший крепостных дворянин Тосканского герцогства»²⁵. Об уровне полученного им образования сложно судить. С одной стороны, вышедшие из-под его пера документы являют человека, со страстью и много пишущего, обладавшего пытливым умом и острым взглядом. Его язык образен, словарный запас разнообразен, а определения точны; сквозящая в них ирония иногда доходит до сарказма. В некоторых местах Франкини демонстрирует познания в древней и средневековой истории Ближнего Востока, а также в географии²⁶. Писать Франкини предпочитал на родном итальянском, однако свободно владел турецким и *османлы*²⁷, а также неплохо — французским и греческим языками.

Мало что сулило молодому человеку успешную карьеру. Его родственники трудились на пользу Венеции; других близких, кто мог бы оказать протекцию в российском посольстве, у Франкини не было. Однако в 1787 г. началась очередная Русско-турецкая война, и 18-летний Энрико был отправлен из Стамбула в Италию. Сперва он находился во Флоренции при царском посланнике в Тоскане Деметрио (Дмитрии) Моцениго²⁸, а затем его определили в качестве «переводчика и секретаря... для заготовления нужных вещей для ожидаемого в Средиземноморье флота и бывшей там флотилии»²⁹. В 1790 г. он был «Всемиловитейше пожалован в актуариусы»³⁰. Это была низшая должность в Коллегии иностран-

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 3454. Л. 1 об.

²⁵ АВПРИ. Ф. ВКД (Внутренние коллежские дела). Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

²⁶ См., напр.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 35 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.*

²⁷ Османлы (османский, османо-турецкий язык) — искусственно созданный государственный язык Османской империи. Относится к тюркским языкам, хотя лексически состоял на 80–90% из слов арабского и персидского происхождения.

²⁸ *Деметрио Моцениго (1723–1793)* — член знатного венецианского рода. Оказывал помощь России во время войны с Турцией 1768–1774 гг. С 1780 г. — генеральный консул в Пизе, с 1785 г. — посланник при Тосканском дворе.

²⁹ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁰ Там же.

ных дел, соответствовавшая младшему гражданскому чину коллежского регистратора (14-й в Табели о рангах), однако карьера итальянца вышла, наконец, на бюрократическую траекторию. В этот же период, в 1787 и 1790 гг., Энрико был отмечен начальством денежными наградами.

Балтийская эскадра С.К. Грейга так и не выступила в поход вокруг Европы, завязнув в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., и боевые действия против турок в Средиземноморье пришлось в одиночку вести греческой добровольческой флотилии Ламброса Кацониса³¹. В сражении при о. Андрос 6–7 мая 1790 г. большая часть судов Кацониса была уничтожена, но сам флотоводец спасся. В начале 1791 г. в Вене он встретился с В.С. Томарой, от которого получил деньги на создание новой эскадры. Очевидно, в это время к Кацонису присоединился и Франкини. В его послужном списке сообщается, что актуариус «в 1791м для пользы высочайшей службы купил с прочими в Триесте кутер³², который употребляем был потом во флотилии и на свою часть заплатил 2 000 венских гульденов»³³. Официально Франкини состоял в должности «секретаря и провиантмейстера» под началом Василия Томары, а после того, как 29 декабря 1791 г. Россия заключила с Османской империей Ясский мир, остался в том же качестве «под командою господина полковника³⁴ Ламбро Качиони»³⁵. Базой флотилии являлся Порто-Майо на Пелопоннесском п-ове Мани (Майна). С 1776 г. Порта признавала автономию Мани, управлявшегося беями греческого происхождения. 5 июня 1792 г. повстанческая база в Порто-Майо была разгромлена османским флотом; Франкини, очевидно, пытался бежать, но попал в плен к правителям Мани («майотам»). Российское посольство не бросило своего служащего, выкупив его за 850 «голландских червонных»³⁶. После 17 ме-

³¹ Ламброс Кацонис (1752–1805) — национальный герой Греции. На стороне России сражался против турок в войне 1768–1774 гг. В следующую войну 1787–1791 гг. сперва на Черном море, а в 1788 г. — в Адриатическом организовал греческие добровольческие флотилии. В 1792 г. продолжил боевые действия самостоятельно в Ионическом и Эгейском морях, был разбит. В 1794 г. осел в России, где в Крыму основал поместье и винный завод Ливадия.

³² Куттер — одномачтовое судно с косым парусом. Использовалось преимущественно для посыльной и разведывательной службы.

³³ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁴ 29 июля 1790 г. Ламброс Кацонис был произведен в полковники, однако в 1792 г. действовал против турок не как российский офицер, а как «король Спарты».

³⁵ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁶ Голландский червонец — полулегальная золотая монета, чеканившаяся в России с 1735/1768 по 1867 г. В официальных документах именовалась «известной монетой», а ее штемпеля — «секретными штемпелями».

святцев, проведенных во флоте, а затем в неволе, актуариус вернулся на службу в посольство.

Заняв пост посланника в Константинополе (28 мая 1797 г.), Василий Томара стал оказывать явную протекцию своему давнему знакомому. Франкини получил должность 2-го драгомана посольства³⁷, а 3 августа 1798 г. императорским указом был произведен в 8-й чин коллежского асессора³⁸, разом перешагнув 5 ступеней в Табели о рангах. Столь стремительный карьерный взлет был объяснен событиями 6–7-летней давности: «за бытность его [Франкини] во флотилии, в прошедшую с турками войну... за плен у турков и за понесенные убытки»³⁹. Назначение весной 1799 г. российским представителем-«драгоманом» при ставке великого везира должно было стать новым этапом в карьерной лестнице Франкини. Не имея времени дожидаться Высочайшей апробации, Томара 22 мая нанес прощальный визит отправлявшемуся в поход Йусуфу Зийа-паше. На этой встрече он лично представил и рекомендовал сад-разаму российского агента⁴⁰. На церемонии представления Франкини заговорил с Зийа-пашой на турецком, в результате чего получил разрешение общаться с ним, минуя переводчика⁴¹.

Царь отнесся к представленной В.С. Томарой кандидатуре благосклонно: «Отправление Драгомана Франкини в лагерь при верховном визире МЫ весьма одобряем, поручая вам снабдить его всеми нужными наставлениями, дабы чрез посредство его могли вы доставлять к нам верные и обстоятельные сведения, о действиях воинских, равно как и о способах, которые неприятель в том крае иметь может, и о состоянии онаго и положении в разсуждении самой Порты»⁴². Кроме обязанности писать подробные отчеты в посольство, перед Франкини была поставлена секретная задача не допустить переговоров между Бонапартом и Йусуфом Зийа-пашой, в том числе касавшихся обсуждения судьбы французских граждан, попавших под арест в Сирии и других частях империи⁴³. При

³⁷ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Д. 223. Л. 72. Канцелярская цидула В.С. Томары в КИД от 16/27 января 1800 г.

³⁸ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁹ Там же.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 119–120. Реляция В.С. Томары от 11/22 мая 1799 г.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 21 об. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799.

⁴² АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 61–61 об. Рескрипт Павла I В.С. Томары от 2 мая 1799 г.

⁴³ Там же. Д. 1413. Л. 122 об.–123. Инструкции, данные Энрико Франкини 15 апреля 1799 г.

контактах с садразамом и другими высшими чинами Порты Франкини должен был им всячески демонстрировать, что Россия, действуя в Средиземноморье, руководствуется в первую очередь интересами своего османского союзника⁴⁴.

Рассмотрим по порядку, как Франкини выполнил поставленные перед ним задачи.

Сведения о «состоянии онаго края»

К поручению вести описание Османской империи Франкини отнесся с ответственностью облеченного высоким доверием мелкого чиновника и со страстью южного холерического темперамента. В первые дни похода он досконально фиксировал все встречавшиеся на его пути города и небольшие местечки. Начальные страницы дневника изобилуют картинами природы, перечислением городских строений и инфраструктуры, разбором этнического состава жителей, характеристикой их ремесленных занятий и сельскохозяйственного производства⁴⁵. Датированное 6 июня живописание Измита (греческой Никомедии) занимает почти 4 листа⁴⁶, отдельный большой пассаж посвящен заполнившим город стаям бродячих собак и отношению к ним со стороны местного населения. Однако постепенно энтузиазм путешественника угас.

Уже пару недель спустя коллежский асессор оправдывался перед В.С. Томарой, что физически не может писать больше двух страниц в неделю, несмотря на то что имеет достаточно собранного материала. «Все препятствует регулярной работе», — жаловался он⁴⁷. Ежедневный переход войск обычно не превышал 4–5 часов, но на деле на него уходило вдвое больше времени, а то и сверх того. Вельможи, которым постоянно требовалось менять мулов, несущих их носилки, останавливались на привалы-йемеклики, длившиеся по 2–3 часа. В пути и на остановках Франкини старался знакомиться и завоевывать доверие османских са-

⁴⁴ Там же. Л. 123. Инструкции, данные Энрико Франкини 15 апреля 1799 г.

⁴⁵ См., напр.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 34–35 об. Journal de voyage du Drogman Frankini. Kartal, Aquilla, Pendik, 22 Mai/ 02 Juin; Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 35 об.–37. Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 20. Lettre du Drogman Frankini. Hanni Hosrew Pascia, 13/24 Juin 1799.

новников и военачальников. В результате, сообщал российский агент, хотя его день начинался в 3 утра, на бумажную работу почти не оставалось времени⁴⁸.

В этих обстоятельствах донесения российского агента не стали короче, сместился фокус его интересов. Самые подробные отчеты касались состояния войск, встреч с османскими должностными лицами, переговоров с англичанами и французами. Причины переноса внимания от описания областей, через которые проезжал Франкини, к внутренней жизни османского лагеря понятны. Поначалу российский драгоман не был допущен в ближний круг садразама и других вельмож; однако по мере того, как перед коллежским асессором открывались входные пологи высоких шатров, окружающий мир терял свои четкие очертания. Города и села Анатолии и Сирии, через которые проходила армия, сменяли друг друга, сливались воедино и требовалось какое-то экстраординарное событие, чтобы Франкини счел его заслуживающим включения в дневник или в донесение начальству в Стамбуле.

При этом российский агент не был отрешенным наблюдателем. На страницах его дневника и в докладных записках в Константинополь нередко сквозит неподдельное сочувствие египетским феллахам, ограбленным поборами французов, сирийским крестьянам и горожанам, страдавшим от вымогательств османских властей. «Чудовищное и продажное правление пашей использует возможности, которые предоставляет им неограниченная власть, лишь для их собственного обогащения, — писал коллежский асессор, — Порта — слишком далеко, она закрывает на это глаза либо просто не видит, но, несомненно, проводит абсолютно разрушительную политику, которая закончится грядущим полным упадком плодородных провинций, столь подходящих для наиболее выгоднейшей торговли, провинций, чьи плоды, богатства и искусства заставляли некогда замирать от восхищения»⁴⁹.

При этом не следует преувеличивать политическую прозорливость Франкини, его прогнозы были не всегда точны. Особенно часто чиновник ошибался, когда строил предположения о планах неприятеля. Летом 1799 г. он долго не верил в реальность бегства Наполеона из Египта, видя в том военную хитрость генерал-аншефа. Весной следующего года он страдал садразама высокой вероятностью новой французской экс-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 6 об. Bulletin de Nouvelles. Saassa, 4/15 Octobre 1799.

педиции на Ближний Восток, «еще более значительной, чем та, которую предпринял Бонапарт»⁵⁰.

Немощь государственных институтов, корыстолюбие, жестокость и эгоизм лиц, облеченных властью, нищета большей части населения — перо Франкини оставило множество зарисовок, живописующих атмосферу общественно-политического неустройства. Увиденное и пережитое итальянцем в Анатолии, Сирии и Египте складывалось в общую картину неизлечимого кризиса империи. В последних его письмах появляется метафора, прямо перекликающаяся с образом «больного человека Европы», введенным в обиход три десятилетия спустя императором Николаем I. «Османская Порта, — писал 12 июля 1800 г. российский «драгоман», — похожа на умирающего, который угнетен своей болезнью и едва подает признаки жизни; телодвижения лишь увеличивают его немощь, вместо того, чтобы восстановить его силы. Степень заболевания позволяет ему понять собственное состояние, но истощение не оставляет надежды на излечение; его лекари являются его палачами»⁵¹.

«Положения в разсуждении самой Порты»

Франкини называл себя «первым россиянином, который проехал столь большое расстояние по Азии», добавляя, что сумел «добиться уважения у жителей посещенных городов и деревень Османской империи, равно как у нации, которой имеет честь служить»⁵². Конечно, коллежский ассессор не знал ни о миссии Арсения Суханова (1600–1668), ни других паломников, посещавших Ближний Восток по зову сердца и по воле пославшего их начальства, как церковного, так и светского⁵³. Однако несомненно, что Энрико Франкини стал первым российским чиновником, преодолевшим путь от Стамбула до Сирии и Египта не просто с ведома османских властей, но обладая официальным статусом и находясь в окружении высших должностных лиц империи. На протяжении всего похода Франкини пользовался особым благорасположением садразама.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffé, 15/26 Mai 1800.

⁵¹ Там же. Д. 917. Л. 36. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffé, 1/12 Juillet 1800.

⁵² Там же. Д. 922. Л. 48 об. *Lettera di Dragomano Franchini*. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

⁵³ См.: Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010.

Это отношение российский чиновник заслужил по праву. Уже на второй остановке после отхода армии из Стамбула, в Измите (Никомедии), не выдержав трудностей, принял решение вернуться в Стамбул английский представитель майор Ричард Флетчер⁵⁴. Следующий же британский агент, Джон (Джек) Филип Мориер (1776–1853), прибыл в османскую ставку 31 января 1800 г. и пробыл там всего 5 месяцев, успев за это время побывать во французском плену⁵⁵. В июне Мориер объявил садразаму о своем решении вернуться в Стамбул. В этой связи Йусуф Зийа-паша поинтересовался у Франкини, не собирается ли тот также его покинуть. Российский агент поспешил успокоить главу Порты, что будет «следовать за ним, невзирая на все тяготы и опасности его похода, как по воле начальства, так и по собственному влечению»⁵⁶. Очевидно, что проявленные Франкини стойкость и верность долгу вызывали уважение как у самого садразама, так и других османских сановников. В октябре 1799 г. встречи Франкини с великим везиром стали «беспрерывными»⁵⁷. В следующем месяце перед коллежским асессором открылись новые возможности. Болезнь главного драгомана Димитрия Караджа⁵⁸, — кстати, глубоко засекреченного российского платного агента⁵⁹, — помешала тому присутствовать на встрече Кёр-паши и бри-

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 22. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799. Британский врач Уильям Уитмен, выгораживая соотечественника, сообщал, что Флетчер прервал поход из-за болезни (*Wittman W. Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert into Egypt During the Years 1799, 1800, and 1801 in Company with the Turkish Army and the British Military Mission. London: Richard Phillips, 1803. P. 11*).

⁵⁵ *Lane-Poole Stanley. Morier, John Philip // Dictionary of National Biography. Vol. 39. London: Smooth, Elder & Co., 1894. P. 52.*

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 34. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 1/12 Juillet 1800.

⁵⁷ Там же. Д. 897. Л. 123 об. Traduction d'une lettre du Drogman Frankini. À un quart de lieuë de Jaffe, 26 Octobre/ 6 Novembre 1799.

⁵⁸ *Димитрий Караджа* (ум. 1800 г.) — член знатного греко-фанариотского рода, притязавшего на княжеский титул. Семья Караджа возвысилась в Византии при императоре Алексее Комнине (1081–1118 гг.) и получила исключительные позиции в османский период. Начиная с конца XVI в. многие представители династии занимали посты константинопольских патриархов, господарей Молдавии и Валахии, драгоманов флота и главных драгоманов Порты.

⁵⁹ Димитрий Караджа получал от В.С. Томары ежегодно 1 тыс. пиастров, что было в 5 раз меньше, чем его родственник Иоаннис («Янко») Караджа (1770–1829), будущий главный драгоман (с 1808 г.), а в 1799–1800 гг. — драгоман флота, именовавшийся в российских секретных донесениях кодовым именем «лучший канал» (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 921. Л. 19. Шифрованное письмо В.С. Томары Павлу I от 16/27 февраля 1800 г.). Помимо поставки информации, Димитрий Караджа использовал любую возможность, чтобы помочь России. Например, при переводе письма Бонапарта,

танского коммодора Сиднея Смита. Неумелые попытки лиц из окружения обоих командующих осуществлять перевод породили сумятицу. «Комплименты, скорее, походили на оскорбления»⁶⁰, — иронизировал Франкини. В воцарившейся путанице российский представитель предложил свои услуги переводчика, которые были с радостью приняты.

Отношения садразама и российского драгомана становились все более доверительными. Между ними происходили довольно частые встречи. Очевидно, что Зийа-паша стремился использовать Франкини как дополнительный источник информации. Во время похода османское командование получало известия не только из Стамбула, но и из Европы. В частности, находившийся в Париже османский посол Али-эфенди сообщал о царившем там общественном недовольстве и разладе, о страданиях французов по причине войны со Второй коалицией и мятежных настроениях в массах⁶¹. Йусуф Зийа-паша интересовался ходом событий на других театрах военных действий и поздравлял российского представителя с успехами фельдмаршала А.В. Суворова и адмирала Ф.Ф. Ушакова⁶². Глава Порты просил Франкини, который получал как письма из российского посольства, так и европейские газеты, сообщать ему об обстоятельствах сражений, названиях взятых городов и крепостей, о потерях сторон, включая убитых, раненых и взятых в плен⁶³.

При этом очевидно, что садразам использовал драгомана не только как источник информации, но и как агента влияния. Донесения Франкини доходили в Стамбул неисправно. Посланник В.С. Томары признавался императору Павлу, что, не получив от своего агента пять писем подряд, решил, «что Порты их удерживает»⁶⁴. В итоге реляции приходили в целостности и сохранности, и дипломат склонился к мнению, что причиной задержки были логистические проблемы. Однако, как отмечал Франкини, если правительственные депеши достигали Сирии за

адресованного садразаму, он исключил строки, в которых генерал-аншеф обвинял Павла I во враждебности исламу и поддержке врагов мусульман: Мальтийского ордена и греческого православия (АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 56 об.).

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 13 об.–14. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 71 об. *Extrait des lettres du Drogman Frankini*. Vesir Han, 2 Juin 1799.

⁶² Там же. Л. 72. *Extrait des lettres du Drogman Frankini*. Vesir Han, 2 Juin 1799.

⁶³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 19. *Lettre du Drogman Frankini*. Hanni Hosrew Pascia, 13/24 Juin 1799.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 4 об. Реляция В.С. Томары № 73 от 1/12 ноября 1799 г.

2–3 недели, то письма из российского посольства он получал не ранее чем через 40–50 дней после их отправки⁶⁵. Причиной задержек были перлюстрации корреспонденции османскими властями как в ставке садразама, так и в Стамбуле. Франкини своими глазами видел, как *раис-эфенди*⁶⁶ задерживал отправку его писем, «отправляя их обратно в свою сумку»⁶⁷.

На Кёр-пашу в Стамбул постоянно поступали обвинения в коррупции («любостяжании», как писал В.С. Томара)⁶⁸, в частности в распродаже его подчиненными провианта и фуража, что приводило к недовольству войск⁶⁹. Также садразама обвинили в том, что за взятку в 125 тыс. пиастров он приказал отпустить арестованных в Сирии и на Кипре французских подданных. Глава османской внешнеполитической службы, писал российский посланник: «пересказывал сам сие с великим негодованием на Визиря... ибо бесчестной Визирь, прибавил Рейс-Ефенди, не уделит мне ни одного мешка из взятых им денег»⁷⁰. Главной же претензией, предъявляемой Кёр-паше, было медленное продвижение его армии⁷¹.

Зная, что донесения Франкини читаются в султанском дворце Топкапы, садразам стремился создать у драгомана максимально благоприятное впечатление о себе. На протяжении похода российский драгоман несколько раз получал от главы Порты подарки: коня⁷², золотую шкапулку, инкрустированную бриллиантами, стоимостью 2 тыс. пиастров⁷³,

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 276 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁶⁶ Раис-эфенди (*раис уль-куттаб* — осман. «глава писцов») — возглавлял работу секретарей и писцов Высокой Порты и был ответствен за переписку садразама с другими столичными и провинциальными чиновниками, а также за сношения с иностранными державами.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 276 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 10–10 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 сентября 1799 г.; Д. 1469. Л. 23 об.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 894. Л. 83. Реляция В.С. Томары Павлу I от 15/26 августа 1799 г.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 10 об.–11. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 сентября 1799 г.

⁷¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 894. Л. 83. Реляция В.С. Томары Павлу I от 15/26 августа 1799 г.

⁷² Там же. Д. 893. Л. 19 об. Lettre du Drogman Frankini. Hanni Hosrew Pascia, 3/24 Juin 1799.

⁷³ Там же. Д. 916. Л. 75 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 juin/ 4 juillet 1800.

Садразам или великий везир. *Неизвестный греческий автор. Около 1809 г.*

соболиную шубу⁷⁴, отрезы ценных тканей⁷⁵. После того, как Франкини был ограблен под Эль-Аришем османскими солдатами, садразам прислал ему в качестве компенсации сперва 79, а затем 100 золотых венгерских цехинов⁷⁶, что превосходило стоимость утерянного имущества. По словам российского агента, он отказался взять золото, «не желая разминивать на него» хорошие отношения с главой Порты⁷⁷.

Очевидно, сам Йусуф Зийа-паша изначально не отдавал предпочтения ни одной из союзных держав. Россия силами адмирала Ушакова вместе с османским флотом завоевывала занятые французами Ионические острова, Англия же разгромила французскую эскадру в бухте Абу-Кира, установила блокаду Египетского побережья и активно помогала в обороне Акки, — действия обеих держав представлялись садразаму

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 275. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 20 об. Lettre du Drogman Frankini. Billbeys, 12/23 Fevrier 1800.

⁷⁶ Цехин (цекин, секин) — венецианская золотая монета, весом около 3,9 г. Иногда цехины назывались «дукатами». Чеканились также в итальянских государствах, в Австрии и Османской империи. Имели широкое хождение на Ближнем и Среднем Востоке вплоть до границ Индии.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 36. Journal de voyage. Notes 9/20 Janvier 1800.

полезными интересам Порты. С течением времени он отошел от равно благожелательного и нейтрального отношения к союзникам. Явное нежелание России отправить флот и войска на поддержку его армии, двигавшейся в Египет, заставило Кёр-пашу «соглашаться с англичанами неоднократно ему твердившими о худом расположении России к империи Оттоманской, чему он прежде верить не хотел», — такие сведения передали В.С. Томаре его информаторы⁷⁸.

После поражения при Гелиополисе (20 марта 1800 г.) внешнеполитические симпатии садразама вновь переменялись. Не было тайной, что французы разорвали мирные Эль-Аришские соглашения по причине отказа британцев эти соглашения ратифицировать. Как отмечал Франкини, отныне «каждый в османской армии полагал находящихся в этих местах англичан, можно сказать, состоявшими на службе у французского генерала [Клебера]»⁷⁹. Военная катастрофа под Каиром поставила под угрозу не только карьеру, но и саму жизнь великого везира. Османские сановники попадали в опалу или даже подвергались смертной казни за куда меньшие провалы. Однако 1 мая 1800 г. в ставку прибыл *хатт-и шериф*⁸⁰, в котором подтверждалось пребывание Йусуфа Зийа-паши в должности садразама. Глава Порты, пребывавший в апатии после поражения, заметно воспрял духом⁸¹. В приложенном к хатт-и шерифу письме *каиммакама*⁸² подчеркивалось, что высочайшее решение было принято, опираясь как на доклады садразама, так и на письма русского драгомана в османской армии⁸³. Инвестиции Кёр-паши в отношения с Франкини принесли свои дивиденды.

В начале июня 1800 г. Димитрий Караджа умер, и Франкини стал выполнять функции главного драгомана⁸⁴. «Сия неслыханная доверенность к надворному советнику Франкинию, яко слуге вашего императорского Величества, — писал В.С. Томара Павлу I, — доказывает отличные в нем способности и природныя дарования к трактованию с турка-

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 119. «Записка константинопольских вестей и разглашений». Первая половина октября 1799 г.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 27. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸⁰ Хатт-и шериф (осман. «Высокое предписание») — официальный документ, написанный султаном либо содержащий султанскую резолюцию.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸² Каиммакам (от араб. «местоблюститель», «заместитель») — помощник садразама, замещавший его на время отсутствия в столице.

⁸³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸⁴ Там же. Л. 64. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 5/16 Juin 1800.

Капудан-паша. Из книги Уильяма Уитмана. 1803 г.

ми»⁸⁵. В начале июля 1800 г. Франкини уже удостоился чести сидеть на одном ковре рядом с садразамом. Это происходило на виду у всех, что российский драгоман особо подчеркнул в своем донесении⁸⁶.

Хорошие отношения у Франкини сложились также с командующим османским флотом, *капудан-пашой* Кючюк Хусейн-пашой (1757–1802), прибывшим в июне 1800 г. в Яффу. Надворный советник отмечал, что ежедневно проводил за разговорами с капудан-пашой по 2–3 часа⁸⁷. В российском агенте флотоводец, очевидно, стремился найти независимого и объективного свидетеля произошедшего разгрома, который не будет ни пресмыкаться перед его рангом, ни пытаться представить события в выгодном для себя свете. На последней встрече с Франкини капудан-паша был предельно откровенен, что поразило российского агента. «Правдивая точность, наблюдаемая в его суждениях, безусловно отличает его от кого бы то ни было из его соотече-

⁸⁵ Там же. Д. 915. Л. 15 об. –16. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 июня 1800 г.

⁸⁶ Там же. Д. 917. Л. 38 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 72. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

Раис-эфенди. *Неизвестный греческий автор. Около 1809 г.*

ственников», — отдавал ему должное Франкини. Кючюк Хусейн-паша «бранил свое правительство, ...бросившее армию без средств, которые могли бы обеспечить успех операций, здешнюю казну он нашел пустой, а все министерство — состоящим лишь из двух лиц, *кехайя-бея* и *раис-эфенди*, так что, если один из них заболает или умрет, его некем будет заменить»⁸⁸. Весьма презрительно флотоводец отозвался и о рекрутах, которые поставляют в армию провинциальные паши. Покидая лагерь, капудан-паша настойчиво просил Франкини писать ему обо всем, что тот сочтет важным, обещая, в свою очередь, отвечать незамедлительно⁸⁹. Также при расставании Кючюк Хусейн-паша составил для В.С. Томары письмо, в котором отмечал «усердие, способности и преданность наилюбезнейшего Франкини, драгомана Российского двора в имперской ставке»⁹⁰.

Что касается других высших чиновников Порты, находившихся в армии великого везира, то Франкини пользовался явным расположением главы канцелярии садразама, раис-эфенди Расиха Мустафа-паши. В 1793–1794 гг. Мустафа-паша по поручению Селима III возглавил по-

⁸⁸ Там же. Л. 73. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

⁸⁹ Там же. Л. 73 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

⁹⁰ Там же. Л. 80. Письмо Капудан-паши Томаре от 5 сафара 1215 г. (12/24.06.1800).

сольство в Санкт-Петербург, по окончании миссии составил восторженное сочинение о военно-административном устройстве северного соседа⁹¹ и с тех пор считался представителем «пророссийской» группировки в Стамбульском правительстве. Упомянутый Дж. Мориер считал, что Расих-паша был подкуплен Россией и явно действовал в ее интересах⁹². Коммодор Сидней Смит предупреждал Мориера, чтобы тот был по этой причине чрезвычайно осторожен при общении с раис-эфенди⁹³. Во время похода Расих-паша неоднократно оказывал российскому представителю помощь, в частности распорядился выделить из своей личной конюшни солому для его лошадей, чтобы они не передохли с голоду⁹⁴.

Напротив, с другим членом Высокой Порты, первым *дефтердаром*⁹⁵ *челеби*⁹⁶ Рашидом Мустафой-эфенди, отношения у Франкини не сложились. В середине 1790-х гг. в Стамбуле Мустафа-эфенди энергично взялся за наполнение бюджета, проведя ряд реформ в османском военном и финансовом управлении. Эти санкционированные Селимом III нововведения, нацеленные на упразднение корпуса янычар и учреждение военного сбора, вызвали широкое народное недовольство. В.С. Томара отмечал, что дефтердар «войсками столько же ненавидим как Публикою Цареградскою», впрочем «из всего Министерства в Лагере Султан почитает его одного человеком не менее способным как усердным»⁹⁷. В другом донесении российский посланник указывал, что Селим III считал Рашида Мустафу-эфенди «лучшим человеком» в отправленной на отвоевание Египта армии⁹⁸. При дворе дефтердару покровительствовавали мать правителя, *валиде-султан* Михр-и Шах (1745–1805), и ее могущественный фаворит, глава черных евнухов Йусуф-ага Мюхюрдар (ум. 1807). Придворный летописец садразама 'Иззет Хасан-эфенди

⁹¹ Желтяков А.Д. Русско-турецкие культурные связи // Россия и Восток. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 118–119.

⁹² Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. London: Wilson & Co., 1801. P. 37.

⁹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 14 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

⁹⁴ Там же. Д. 892. Л. 23. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799.

⁹⁵ Первый дефтердар (башдефтердар) — главный казначей Османской империи. Находился во главе финансового ведомства, имел под своим началом дефтердаров отдельных частей империи.

⁹⁶ Челеби — османское почетное звание, использовавшееся вплоть до конца XVIII в. применительно к высокообразованному человеку, богослову или писателю.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 5. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 июля 1800 г.

⁹⁸ Там же. Д. 914. Л. 3 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 3/15 мая 1800 г.

ад-Дарендели характеризовал Рашида Мустафу-эфенди как «человека с мягким и кротким характером»⁹⁹.

Рашид Мустафа-эфенди являлся постоянным объектом эпистолярных нападков Франкини, в которых смешались личная неприязнь и политическое соперничество: дефтердар, наряду с *кехая-беем*¹⁰⁰ Османом-эфенди, считался сторонником пробританской ориентации Порты. Уничтожение османской армии в марте 1800 г. удвоило энергию российского агента в его личной войне с дефтердаром. Если верить донесениям Франкини, то Рашид-эфенди нес чуть ли не единоличную ответственность за случившуюся катастрофу. «Дефтердар-эфенди столь доверился заверениям французов в своей искренности и дружбе, — писал Франкини своему начальству, несомненно зная, что его корреспонденция будет перлюстрироваться османами, — что именно он посоветовал сняться лагерем из Эль-Ариша и идти вперед без припасов; он отдал приказ по всем портам Леванта приостановить дальнейшую отправку продовольствия, что они должны были доставить, и продавать уже собранное в счет мираи¹⁰¹, как если бы то было его собственное имущество; до последнего момента этот министр был убежден, что Клебер¹⁰² неукоснительно будет выполнять свои обязательства»¹⁰³. Критика Франкини была частично справедлива и подтверждалась даже британцами. Дж. Мориер, в целом положительно отзываясь о челеби Мустафе-эфенди, признавал, что «плохая организация снабжения во время похода — его вина»¹⁰⁴.

Зная о благожелательном отношении султана и его матери к Рашиду-эфенди, садразам отправил его в столицу, «чтобы детально сообщ-

⁹⁹ *Ад-Дарендели Иззет Хасан-эфенди*. Аль-хамла аль-фарансийа 'ала Миср фи дау' махтут 'усманий. Махтута «Зийа-наме» ли-д-Дарендели (Французское нашествие на Египет в свете османской рукописи «Зийа-наме» ад-Дарендели). Иссл. и пер. Джамала Са'ида Абд ал-Гани. Каир: Аль-Хай'а аль-Мысрийя аль-'амма ли-ль-китаб, 1999. С. 260.

¹⁰⁰ Кехая-бей (он же *катхода*, *кетхуда-и садр-и али*) — заместитель садразам, управлявший внутренними делами. Первоначально катхода не имел официального статуса, считаясь помощником великого везира, однако его канцелярия была крупнейшей по численности персонала.

¹⁰¹ Мираи (от осман. «эмирский») — часть податей, поступавшая непосредственно в государственную казну.

¹⁰² *Жан-Батист Клебер* (1753–1800) — французский генерал, главнокомандующий экспедиционным корпусом после отъезда Бонапарта из Египта 22 августа 1799 г.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 28 об.–29. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

¹⁰⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army*. P. 37–38.

щитъ обо всех произошедших событиях»¹⁰⁵. Также дефтердар должен был получить согласие правителя на снаряжение новой армии взамен разгромленной. Особое внимание придворного летописца ад-Дарендели этой миссии свидетельствует о значении, которое придавалось ей в османской ставке. Рашид Мустафа-эфенди полностью справился с поставленной задачей, что вызвало ярость и досаду Франкини. В донесении В.С. Томары российский агент не скрывал своих эмоций: «Разрушенные до основания гипотезы и ложные принципы ошибочной политики Челеби Мустафа-эфенди, дефтердара, были не менее фатальны для Порты, чем [французское] вторжение в Египет. Опыт, полученный им от французов на переговорах в Эль-Арише и Сабиль уль-Аламе, а также в деле под Матарья, должен был бы открыть ему глаза. Вместо этого, тупоумный наблюдатель уничтожения армии в[еликого] везира, собрать которую Османской империи стоило миллионы и привело к разорению всей Азии, ...он бежал, сел на корабль, направился в столицу и убедил правителя, что причиной постигшей армию катастрофы стало какое-то недопонимание, что этот генерал [Клебер. — Т.К.] не мог действовать иначе в подобных обстоятельствах, и его поведение вполне допустимо, и что он, несомненно, эвакуируется как только прибудут паспорта [от союзных держав на выезд. — Т.К.]. Турки легко верят в то, что их устраивает»¹⁰⁶, — горько резюмировал Франкини.

Справедливости ради следует сказать, что в отношении другого высокопоставленного османского чиновника пробританской ориентации, катходы садразама Османа-эфенди, у Франкини помимо обвинений находились и добрые слова. Коллежский ассессор отметил мужество Османа-эфенди, проявленное в битве при Гелиополисе. Во время всеобщего хаоса он побежал от наступавших французских колонн не назад, а вперед, в сторону Каира, добрался до пригорода Матарийя, где объединился с избравшими этот же путь Насух-пашой, Ибрахим-беем и еще несколькими военачальниками, собрал сколько мог турецких солдат и мамлюков и ворвался с ними в египетскую столицу¹⁰⁷.

Вообще на страницах дневника и в письмах Франкини упоминается немало военных и гражданских служащих османской администрации, к большинству которых он относился весьма критично. «Каждый боит-

¹⁰⁵ *Ад-Дарендели*. Зийа-наме. С. 293.

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 36–36 об.

¹⁰⁷ Там же. Д. 915. Л. 49 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini*. 10/21 Mars 1800.

ся, — описывал коллежский асессор атмосферу, царившую в ставке сад-разама, — что кто-то другой доложит о его поведении»¹⁰⁸, и сановники наперебой писали в столицу донесения, выгораживавшие себя и очернявшие других¹⁰⁹. Его искреннее возмущение вызывали и некоторые поступки региональных должностных лиц.

Одним из описанных коллежским асессором примеров вымогательства взяток стал случай, произошедший в Измите. Некая женщина легкого поведения и дурной репутации поселилась в лучшем армянском квартале города. Несколько дней спустя, сговорившись с городским судьей-кади, она дала себя ему там обнаружить. Хусейн-паша, наместник провинции, «не пожелал оставить подобное бесчестье безнаказанным» и обложил штрафом каждую армянскую семью, проживавшую по соседству, в соответствии с ее благосостоянием. Женщине же лишь было предписано съехать. Следующей жертвой, очевидно, должен был стать греческий квартал, куда попыталась переселиться упомянутая дама. Впрочем, наученные примером православные поспешили заранее «прийти к согласию» с пашой¹¹⁰.

Жадность и недалководидность османских чиновников, лишивших Порту поддержки арабского населения, стала, по мнению Франкини, одной из причин бесславного бегства султанской армии из Египта. Воплощением подобной примитивной алчности Франкини считал своего недруга первого дефтердара Рашида-эфенди, который, по его словам, «наделал ошибок и как министр, и как полномочный представитель [султана], и как управляющий финансами»¹¹¹. «Его расчет увеличить общие поступления, — возмущался Франкини, — отправкой ста пятидесяти *дели*¹¹² собирать подати с арабских деревень, кои столь щадили французы, скандальным и предвзятым допросом копт-

¹⁰⁸ Там же. Д. 897. Л. 87 об. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 Septembre/6 Octobre 1799.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 37. Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

¹¹¹ Там же. Д. 916. Л. 28 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 15/26 Mai 1800.

¹¹² Дели (дала, далатийа — осман. «безумные», «отчаянные»), они же *диванкан*, либо *диванкар* (осман. «бешеные»). Это прозвище давалось с конца XV в. кавалерийским отрядам, набиравшимся из выходцев из Османской Румелии, славившимся как своей отвагой, так и недисциплинированностью. В конце XVI в. отряды дели появляются в Анатолии; в XVIII в. вышедшие из повиновения диванкан начинают терроризировать местное население. Попытка Селима III реформировать их организацию оказалась безуспешной, лишь в 1829 г. части дели были упразднены.

ских писцов и каирских шейхов о доходах Египта, запланированным проектом обложения каждого пальмового дерева ежегодным налогом в один пиастр, и, наконец, выплатой трех тысяч кошельков Клеберу за счет жителей Каира, заставил возненавидеть само имя турка до такой степени, что те же арабы, которые ранее встречали нас с распростертыми объятиями и криками радости, которые терпели наше пребывание в их жилищах, которые снабжали нас всеми необходимыми припасами и любой гуманитарной помощью, те же арабы чуть позже закрывали перед нами двери в их хижины, а по нашему возвращению наслаждались прискорбным и тягостным зрелищем, которое представляла собой убегающая османская армия, и чуть ли не отказывали нам в малой толике воды, несмотря на то, что мы готовы были платить за нее вперед»¹¹³.

Командование османской армии погрузилось при этом в «роковую летаргию»¹¹⁴, а чиновники, направленные наблюдать за эвакуацией французов из Каира: Мустафа-паша и *нузуль-эмини*¹¹⁵ Хасан-ага, — пренебрегли своими обязанностями. Первый, находясь в египетской столице, целиком и полностью доверился французскому генерал-аншефу и «занимался лишь поиском способов обогатиться, пока французы не оставят этот город». Второй, попав под влияние интервентов, также убеждал начальство, что «Клебер является другом Порты, который желает восстановить прежнюю дружбу, существовавшую между двумя правительствами»¹¹⁶.

«Действия воинския»

Описание османской армии занимает одно из центральных мест в дневнике и донесениях Франкини. По сути, российский агент действовал как военный разведчик, детально фиксируя состояние сил союзника, которому в скором времени вновь предстояло стать противником. Однако к этим описаниям следует относиться с известной осторожностью.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 28 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 15/26 Mai 1800.

¹¹⁴ Там же. Д. 915. Л. 19. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/ 11 May 1800.

¹¹⁵ Нузуль-эмини — османский чиновник, отвечавший за продовольственное снабжение армии.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 18 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/ 11 May 1800.

Часть их базируется на личных впечатлениях Франкини, в других случаях он транслирует данные, полученные от османских чиновников.

К примеру, при выступлении османского войска из Стамбула Франкини описывает свиту и личную охрану садразама, включая 5 янычарских орт сопровождения¹¹⁷. Российский агент с самого начала похода состоял в свите великого везира и никаких оснований не доверять этим сведениям нет. Напротив, в донесении Франкини от 19 марта 1800 г. содержится детальный анализ состава османской армии, подошедшей к Каиру. Коллежский асессор не просто приводит поразительно точные цифры по численности и этническому составу каждого из корпусов, к которым сам он доступа не имел¹¹⁸. Сомнение вызывает и общая оценка численности армии в 65 180 человек, не считая примерно 15 тыс. человек невооруженной obsługi¹¹⁹. Эти цифры, даже если они были доведены до сведения российского агента лицами из окружения садразама, представляют значительный интерес.

Организация османами военного похода вызывала постоянную критику Франкини. Российский агент отмечал хроническую «нехватку артиллерии, амуниции и припасов»¹²⁰. «Еще с нашего отправления из Константинополя, — писал Франкини, — и на протяжении всего перехода до Хамы и даже до Дамаска, в лагере ощущался чувствительный недостаток припасов, фуража и дров. Начиная же с Дамаска — абсолютная нехватка всего»¹²¹. Войскам выдавались заплесневелые сухари, лошадям — вместо ячменя просо в количестве $\frac{2}{5}$ от полагавшегося пайка. Стоимость обычных продуктов взлетела многократно, а дрова продавались «в маленьких связках, как если бы то были розы»¹²². Совершенно отвратительно было организовано и продвижение войсковых частей. Преодоление горных перевалов и переправа через реки превращались в подобие боевых операций и влекли за собой тяжелые потери. Вот как Франкини описывал путь армии по теснине между быстрой речкой Сакара и отрогами гор Тавра: «Другого места прохода не было, и там лошади, повозки, войска, верблюды смешались и стали сталкиваться друг с другом. Падение людей друг на друга, наглость албанцев и дели, пистолетные выстрелы в толпе,

¹¹⁷ Там же. Д. 2256. Л. 5 об. Traduction des notes jointes à la relation du Drogman Frankini de 9/20 Mai 1799.

¹¹⁸ Там же. Д. 915. Л. 56 об. –61. Etat de l'Armée Ottomane le 8/19 Mars 1800.

¹¹⁹ Там же. Л. 56–61. Etat de l'Armée Ottomane le 8/19 Mars 1800.

¹²⁰ Там же. Д. 916. Л. 12. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Kankie 8/19 Mars 1800.

¹²¹ Там же. Д. 906. Л. 57. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

¹²² Там же. Л. 57 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

густая пыль, поднимаемая порывистым ветром, бьющее в глаза солнце — все способствовало нарастанию ужаса и опасности. Множество людей, мулов, верблюдов и повозок устремлялись вниз и пропадали в реке; были раненые, несколько человек оказалось искалечено»¹²³. В письмах Франкини османская армия предстает плохо управляемым морем разнузданной солдатни, готовым прийти в волнение по самому ничтожному поводу. По-хорошему, ее следовало бы распустить, сообщал он в зашифрованном письме начальству¹²⁴. Долгие остановки, во время которых войска маялись бездельем, еще сильнее расшатывали дисциплину. Столкновения между солдатами из различных частей происходили чуть ли не ежедневно. Преувеличенные людской молвой, в Стамбуле ходили рассказы о подлинных побоищах между армейскими корпусами, в которых «убито было до двух тысяч человек с обеих сторон»¹²⁵.

Возможность увидеть султанскую армию в бою впервые выдалась Франкини еще в районе г. Эскишехир в северо-западной Анатолии, когда Йусуф Зийа-паша решил покарать одного из непокорных местных властителей. 12 дней 14-тысячный отряд османов безуспешно штурмовал небольшой островок, который обороняли 400 человек¹²⁶. Описания этого столкновения, равно как и всего похода отправлялись Франкини в Стамбул и внимательно анализировались как в российском посольстве, так в Высокой Порте. В результате иллюзий относительно шансов турецкой армии одержать победу над французским экспедиционным корпусом не было ни у османов, ни у их союзников. В ноябре 1799 г. В.С. Томара доносил императору Павлу о «худой надежде правительства турецкаго на армию Верховнаго Визиря, о которой по справедливости нельзя сомневаться чтоб разбита не была при первой встрече с французами»¹²⁷.

Подобные настроения разделял и сам садразам Йусуф Зийа-паша. Еще в начале октября 1799 г. в зашифрованном сообщении из Дамаска Франкини докладывал, что «великий визирь чувствует свою малую способность к доверенному ему предприятию, видит, что один миг

¹²³ Там же. Д. 897. Л. 37 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.*

¹²⁴ Там же. Л. 88. *Lettre chifrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 septembre/6 Octobre 1799.*

¹²⁵ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 10 об.

¹²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 57–57 об. *Lettre du Drogman Frankini. Ak Schéher, 18/29 Juin 1799.*

¹²⁷ Там же. Д. 897. Л. 1 об. Реляция В.С. Томары от 1/12 ноября 1799 г.

может стать решающим для его жизни и судьбы, ищет способ удержаться и находит его только в [заключении] конвенции и урегулировании египетского вопроса любым путем. Это ему тем более подходит, что лагерь его пребывает в беспорядке, армия вследствие дезертирства сократилась до горстки людей, а его собственным военным талантам доверяют мало»¹²⁸. Три месяца спустя садрамам на личной встрече с Франкини признался, что османская армия не выдержит первого же серьезного столкновения с французской, и эта баталия решит судьбу Египта. Даже кратное численное превосходство не могло воодушевить главу Порты. «Говорят, что французы успевают сделать четыре выстрела в минуту, а мои войска — только один, — делился опасениями Кёр-паша, — что мой лагерь составлен из самых разных людей, а французский — из отобранных»¹²⁹.

Первое столкновение с французской армией состоялось в декабре 1799 г. в форте Эль-Ариш, прикрывавшем доступ в Египет. Франкини оставил достаточно подробное описание штурма этой крепости¹³⁰, тем более что Йусуф Зийа-паша хотел, чтобы российский представитель воочию увидел триумф османского оружия. Взятие Эль-Ариша, обеспеченное подавляющим численным превосходством османов (450 оборонявшихся против примерно 20 тыс. осаждавших) и мятежом, вспыхнувшим среди гарнизона форта¹³¹, не убедило Франкини в благоприятном исходе всей предстоящей кампании. Однако вскоре в захваченном Эль-Арише были подписаны мирные соглашения, предусматривавшие вывод французских войск из Египта.

20 марта 1800 г. соглашения были разорваны и Ж.-Б. Клебер, собрав практически все имевшиеся в его распоряжении силы, обрушился на армию садрама, расположившуюся лагерем в нескольких часах от Каира. Итоги этого сражения, также досконально проанализированные А.В. Чудиновым¹³², оказались катастрофическими для османов. «Одно-

¹²⁸ Там же. Л. 87–87 об. Lettre chifrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 Septembre/6 Octobre 1799.

¹²⁹ Там же. Д. 912. Л. 37 об. Запись встречи Франкини с великим везиром 9/20 января 1800 г.

¹³⁰ Там же. Д. 908. Л. 42–47. Journal de voyage du Drogman Frankini. El-Arich, 11/22–18/29 Décembre 1799.

¹³¹ Ход обороны крепости досконально изучен отечественным исследователем А.В. Чудиновым на базе европейских источников (Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 153–174).

¹³² Чудинов А.В. Забытая армия. С. 203–234.

го часа должного сопротивления, — сетовал Франкини, — хватило бы, чтобы уничтожить всех французов в Египте»¹³³. Однако при первом огневом столкновении с противником, а иногда и просто заслышав звуки стрельбы и увидев марширующие французские колонны, османские части обратились в бегство. Франкини вспоминал, что садразам «использовал все, чтобы их остановить, в ход пошли угрозы, раздача золота; но вскоре он заметил, что остался практически один со своими министрами и горсткой людей. Тогда, со слезами на глазах, погруженный в раздумья, он слез с лошади; министры стояли бледные и полумертвые»¹³⁴. Угроза попасть в плен стала очевидна, и сановники бросились спасать свои жизни. «Каждый искал свой экипаж, — продолжал российский агент, — груженных верблюдов, не обращая внимание на состояние армии, одна часть которой еще выдвигалась вперед, а другая уже быстро возвращалась. Нагруженные поклажей войска бежали, не осмеливаясь бросить взгляд назад; крики и угрозы распространяли ужас, и один напал на другого, чтобы быть первым на пути к бегству»¹³⁵. «Я не нахожу достаточно ярких выражений и красок, — продолжал Франкини описывать катастрофу российскому посланнику в Стамбуле, — чтобы описать Вашему Превосходительству царившие в османском лагере смятение и неразбериху, творимые там убийства, грабеж и насилие»¹³⁶. Только случайность не позволила французам захватить руководителей Порты в плен. Так, подытоживал коллежский ассессор, «в течение 10 минут была рассеяна значительная армия, собранная и объединенная ценой огромных и продолжительных трудов и невероятных расходов»¹³⁷.

Описание разгрома Франкини закончил горькой сентенцией, возлагавшей ответственность за поражение не только на османских командующих, но и на морально-психологическое состояние солдат: «Какого успеха в сражении можно ожидать от сборища людей всех возрастов и профессий, набранных без разбору из народа, для которого роковые предсказания безымянных книг безвестных авторов предрекают конец царствования; как только это человеческое скопление единожды бросилось бежать, говоря, что не может ни противиться судьбе, ни сопротивляться воле небес»¹³⁸.

¹³³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 17 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹³⁴ Там же. Д. 915. Л. 48 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini*. 9/20 Mars 1800.

¹³⁵ Там же. Л. 48 об. *Journal de voyage*. 9/20 Mars 1800.

¹³⁶ Там же. Л. 43 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Л. 44. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

Британские союзники

Особое внимание в своих отчетах Франкини уделял Британии. Летом 1800 г. посланник В.С. Томара писал императору Павлу о «трудном положении» «Надворного Советника Франкини в лагере Турецком, ... принужденного скрываться в том от самых аглинских агентов, дабы не воспрепятствовали оным; а из сих каждой лишь только отдохнет африканский воздух, то как обвороженной начинает почитать соперниками своими Россиян паче Французов»¹³⁹. Павел I еще не стал союзником Бонапарта и не начал готовить поход в Индию. «Большая игра», как принято называть российско-британское противостояние на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, еще не началась. Однако именно в период Второй антифранцузской коалиции проявились первые всполохи будущего геополитического соперничества двух сильнейших держав XIX в. Российские и английские военные эскадры впервые одновременно оказались в Восточном Средиземноморье. Османская империя превратилась в арену вооруженной борьбы европейских государств, а султан и его окружение оказались объектом соперничества российской и британской дипломатий. Одним из эпицентров этого противостояния стал шатер садразама Кёр-паши, где Энрико Франкини в одиночку приходилось отстаивать интересы России против прибывавших английских офицеров и дипломатов.

По ходу деятельности Франкини периодически приходилось контактировать с коммодором Сиднеем Смитом (1764–1840) и другими британцами. При внешнем дружелюбии по отношению к партнерам по коалиции отношение к ним у российского чиновника было преимущественно негативным. Это чувство было взаимным. Упоминая генерала Кёлера, направленного в османскую ставку в июле 1800 г., Франкини отмечал: «Он вел себя по отношению ко мне столь учтиво, как ни один другой англичанин, оказывавшийся в этой армии»¹⁴⁰. Смит, в отличие от адмирала Горацио Нельсона (1758–1805), который характеризовался российским агентом вполне благожелательно¹⁴¹, являлся объектом особой нелюбви Франкини. Их близкое знакомство, — а Смит даже довелось ночевать в шатре коллежского асессора, — только усилило взаим-

¹³⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 6–6 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 июля 1800 г.

¹⁴⁰ Там же. Д. 917. Л. 33 об. *Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.*

¹⁴¹ Там же. Д. 2257. Л. 2 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.*

ную неприязнь. «Существо легкомысленное, подлое, продажное, падкое на искушения и, если его уговорить, готовое на всё»¹⁴², — клеймил драгоман британского коммодора. Симпатизировавший России вышеупомянутый раис-эфенди Мустафа Расих соглашался с итальянцем, что Смит — человек «без имени и состояния, обладающий нетвердым характером, буйный, тщеславный и капризный»¹⁴³, и удивлялся, почему Лондон доверил именно ему столь важную миссию.

Главной причиной неприязни российского представителя стала не личность Смита, а проводимая им политика. «Важная задача [коммодора. — Т.К.], — писал Франкини, — состояла в охране акватории Александрии и Думьята. Однако он не сделал ничего, кроме как всячески злоупотреблял общим доверием»¹⁴⁴. Франкини подозревал Сиднея Смита не просто в небрежности, позволившей Наполеону бежать из Египта, а в «коварном сговоре с французским генералом»¹⁴⁵. Слухи о подозрительном поведении коммодора, если не о его предательстве, подпитывались и британским послом лордом Элгином¹⁴⁶, у которого с Сиднеем Смитом был личный конфликт. Посланник В.С. Томары с нескрываемым удовольствием пересказывал рассказ Элгина, получившего «покаянное письмо» от своего секретаря Джона Мориера, который бежал из османской ставки и после долгих злоключений добрался до Стамбула. Последний якобы признавался, «что с начала своего приезда в Лагерь прельщен был Смитом, предался и служил ему», однако после катастрофы под Каиром «образумился и возымел отвращение к его правилам, видя в согражданах своих шайку людей вскруженных воображением о изящности французов, и до того обуйавших, что во все время пребывания своего с ними не выпил рюмки вина, которая б не была посвящена на здоровье Клебера или другого французскаго Ироя, и не услышал ни один раз имени Георга III-го»¹⁴⁷.

¹⁴² Там же. Л. 4. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴³ Там же. Л. 4 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁴ Там же. Л. 1 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁵ Там же. Л. 3 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁶ Томас Брюс, 7-й граф Элгин (*Elgin*) (1766–1841) — британский дипломат, прямой потомок шотландского королевского рода. С 1791 г. находился на дипломатической службе, выполнял обязанности чрезвычайного посла при Австрийском и Прусском дворах. В декабре 1798 г. получил назначение на должность посла в Стамбуле, куда прибыл 6 ноября 1799 г. Отбывая в январе 1803 г. из Османской империи, Томас Брюс вывез с собой коллекцию античных скульптур и барельефов из Парфенона, ныне украшающую Британский музей.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 58. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 июля 1800 г.

Обвинения в франкофилии и изменничестве коммодора Смита не находят подтверждения и, очевидно, были спровоцированы внутренними интригами между английскими МИДом и военным командованием, а также могущественной Левантийской компанией. А вот что не вызывает сомнения, так это желание британцев отстранить Россию от вмешательства в ближневосточную политику. Франкини отмечал, что «англичане делают все, чтобы не позволить России принять участие в этих делах»¹⁴⁸. В частности, он ссылаясь на слова пленного офицера О.-Н. Бодо¹⁴⁹, что на переговорах в Эль-Арише французские уполномоченные потребовали отстранения российского агента¹⁵⁰, и коммодор Смит, фактически, солидаризировался с ними¹⁵¹. С другой стороны, Франкини явно тревожили попытки британского командования вмешиваться во внутреннюю политику Порты, например на о. Кипр или в Горном Ливане¹⁵².

Британское вмешательство вызывало раздражение садразама, раис-эфенди и других высших османских чиновников. Однако высказывать резкий протест англичанам Порты не осмеливалась, занимая примирительную позицию. Ответные упреки, как правило, передавались в устной форме, письменно же османы заверяли британское командование, «что все просьбы приняты к сведению, и оно получит полное удовлетворение по всем обозначенным пунктам»¹⁵³. Внешне османские сановники оказывали британцам необычайные знаки внимания. «Я всячески выделяю его и оказываю ему почет, — рассказывал садразам о коммодоре Смита, — против обычаев моей империи во время встреч он сидит не на табурете вдали от меня, как должно, когда великие визири принимают представителей христианских дворов, а я приглашаю его на свою софу. Я усаживаю его по правую руку от себя, оказываю ему особое внимание, осыпаю подарками»¹⁵⁴.

¹⁴⁸ Там же. Л. 14–14 об. *Lettre chifrée du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁴⁹ *Огюст-Николя Бодо* (1765–1801) — французский офицер, участник Египетской экспедиции. После сражения при Гелиополисе был направлен Клебером для переговоров с османами, захвачен ими, несмотря на свой статус парламентаря, и последовавшие 5 месяцев провел в плену.

¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 14 об. *Lettre chifrée du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁵¹ Там же. Д. 912. Л. 28 об. *Lettre du Drogman Frankini*. El-Arich, 3/14 Janvier 1800.

¹⁵² Там же. Д. 897. Л. 27 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Ghiok Meydan, 19/30 Novembre 1799.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. Д. 912. Л. 37 об. Запись о встрече Франкини с великим везиром 9/20 января 1800 г.

Невзирая на эти знаки благосклонности, османское командование не доверяло британскому, в частности, коммодору Сиднею Смиту, подозревая, что англичане самостоятельно проводят сепаратные переговоры с французами¹⁵⁵. Порту пугало не столько то, что Смит «заберет себе всю славу по эвакуации»¹⁵⁶, сколько неясность условий вывода французских войск и будущей судьбы Египетской провинции. Недоверие к обоим союзникам по коалиции подталкивало Порту к поиску возможности вернуть себе власть в Египте мирным путем и к проведению сепаратных переговоров с Францией.

Недопущение сепаратного мира

Статус уполномоченного представителя давал Франкини крайне ограниченные средства влиять на политику Порты. Кроме того, в отличие от Адриатики, в Восточном Средиземноморье российский флот не вел активных боевых действий и не мог усилить голос дипломата звуками пушечных залпов. Однако, оставаясь в ставке великого везира «глазами и ушами» посланника Томары и самого императора Павла I, Франкини делал все от него зависящее, чтобы Османская империя выполняла свои союзнические обязательства.

К примеру, на тайных переговорах с османами осенью 1799 г. одним из намерений Ж.-Б. Клебера было обратить поражение в победу: не просто эвакуировать экспедиционный корпус из Египта, но заключить мирный османо-французский договор и даже заново обратить Турцию против России. В переписке с генерал-аншефом непосредственно участвовал глава Порты, а корреспонденцию доставлял чиновник Мехмед Рушди-эфенди. Когда о сношениях с неприятелем стало известно Франкини, то Йусуф Зийа-паша предпочел сделать Рушди-эфенди «козлом отпущения», приговорив того к ссылке на о. Хиос. Впрочем, служащего не сослали, а укрыли в армянском монастыре в Яффе, и Франкини при содействии В.С. Томары и Сиднея Смита с большим трудом удалось добиться, чтобы Рушди-эфенди все-таки отправили в место его изгнания¹⁵⁷.

В итоге переговоры османских высших чиновников с уполномоченными представителями Ж.-Б. Клебера прошли 16–24 января 1800 г.

¹⁵⁵ Там же. Д. 906. Л. 13. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. Л. 11 об.-12. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

в захваченном Эль-Арише. На встречах присутствовали от британской стороны Сидней Смит и от российской — Энрико Франкини, но роль последнего оказалась почти декоративной¹⁵⁸. Переговоры шли интенсивно. «Совещания, казалось, были обременительными для обеих сторон, — иронизировал Франкини. — Одно сменяло другое, даже не оставляя времени для размышлений, и статьи соглашения были заключены прежде, чем кто-либо доподлинно осознал заключающуюся в них суть»¹⁵⁹. Участники конвенции были заинтересованы в ее скорейшем подписании. Французы видели в том шанс побыстрее вырваться из ставшего для них ловушкой Египта. Османское командование же, с одной стороны, явно боялось двинуться в Дельту Нила, навстречу грозному врагу, с другой, — как признался Франкини дефтердар-эфенди, — опасалось «роковых происшествий» в собственной армии, стоявшей в пустыне без запасов провианта и налаженного снабжения¹⁶⁰. 24 января был заключен сепаратный османо-французский договор об эвакуации экспедиционного корпуса. Фактически это означало, что российский агент не выполнил наиболее важную из поставленных перед ним задач.

Позднее, в марте 1800 г. Франкини, если верить его зашифрованному донесению, решился на рискованную провокацию. Раздраженный нерешительностью садразам, не желавшего «пойти на столкновение с французами, даже ценой затягивания ими эвакуации из Каира»¹⁶¹, а также усилиями англичан «сохранить status quo»¹⁶² российский агент якобы вознамерился единолично сорвать Эль-Аришские соглашения. Для этого он заплатил 2 тыс. пехинов *янычар-баши*¹⁶³ ‘Умар-аге, чтобы тот организовал волнения в подчиненном ему корпусе, стоявшем в авангарде почти у самой египетской столицы. Буйное и непредсказуемое поведение янычар привело Порту в замешательство. За советом Кёр-паша обратился к Франкини, и в результате было решено сообщить о происшествии Клеберу, дабы «не навлечь на Османскую Порту обвинений в недобросовестности»¹⁶⁴. В свою очередь Клебер, не зная,

¹⁵⁸ Подробнее об Эль-Аришских соглашениях см.: Чудинов А.В. Падение французского эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // Французский ежегодник 2017. М., 2017. С. 55–93.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 15. Traduction par extrait d'une lettre du Drogman Frankini.

¹⁶⁰ Там же. Л. 34. Journal de voyage, 12/23 Janvier 1800.

¹⁶¹ Там же. Д. 916. Л. 10. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Янычар-баши — командующий янычарским корпусом.

¹⁶⁴ Там же.

В шатре великого везира. Из книги Френсиса Спилсбери. 1799 г.

как обернутся события, и боясь быть застигнутым в городе, вывел войска из Каира¹⁶⁵ и двинул их навстречу османам. Началось сражение, турецкая армия была рассеяна, процесс передачи оккупированных территорий сорван.

Донесение Франкини от 11 мая 1800 г. добавляет деталей к краткому зашифрованному сообщению. По его словам, солдаты привилегированных подразделений *дал кылыч*¹⁶⁶, уставшие терпеть «постыдное унижение» от французов, потребовали права войти в Каир «с оружием в руках», даст им на то разрешение верховное командование или нет. Спустя несколько часов в ставке садразама состоялся совет, на котором было решено проинформировать Клебера о настроениях янычар и потребовать от того начать немедленный вывод войск из столицы во избежание столкновения с османскими частями. После этого французский генерал-аншеф якобы и объявил о расторжении перемирия¹⁶⁷.

Данная информация показалась В.С. Томаре столь невероятной, что, получив шифровку, он не осмелился доложить о ней в Санкт-Петербург, решив уточнить у Франкини, правильно ли сотрудники посольства разобрали его депешу. Отдельное недоумение вызвало у посланника, от-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Дал кылыч (тур. «обнаженные сабли») — элитные части янычарского корпуса, выполнявшие наиболее опасные задачи. Иначе они назывались *серденджетти* и выступали на острие атаки на вражеские позиции или при штурме крепостей.

¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 43–43 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

куда его подчиненный взял столько денег на подкуп. Сам Франкини подобным количеством золота не располагал, а никто из лиц, способных одолжить ему подобную сумму, в посольство за возмещением не обращался¹⁶⁸. Однако осенью 1800 г., разбирая бумаги уже к тому времени покойного Франкини, В.С. Томара обнаружил в его счетах сумму в 12 тыс. пиастров, «позаимствованные им у Католических монахов под вексель и выданные в лагере Вер[хов]наго Визиря Янычарскому Аге»¹⁶⁹. А к началу декабря в посольство подоспело и требование монахов погасить этот вексель¹⁷⁰. Томара не стал платить по счету, передав вопрос на усмотрение своего начальства в Санкт-Петербурге.

Итак, перед нами документы, которые претендуют на сенсационность и требуют ответов на ряд вопросов. Насколько приведенная Франкини информация правдива? Действительно ли российскому агенту удалось путем диверсии сорвать Эль-Аришские соглашения, результатом чего стало сражение при Гелиополисе, разгром османской армии и затягивание на полтора года эвакуации французов из Египта?

Постараемся разобраться «за» и «против» этой версии.

Что может говорить в пользу того, что Франкини говорил правду? Во-первых, это его репутация. Защищая своего протеже от подозрений в стяжательстве, В.С. Томара писал в Санкт-Петербург, что Франкини «за все время служения своего не подал причины сомневаться в его честности»¹⁷¹. Имея во время похода немало возможностей обогатиться, надворный советник не оставил после себя никакого состояния, а лишь одни долги¹⁷². Вторым аргументом в защиту служит, безусловно, предъявленный монахами вексель.

Было еще одно обстоятельство, которое можно трактовать в пользу рассказанной Франкини истории. 23 марта, уже после поражения при Гелиополисе, на совещании в деревне Салихия янычар-баши 'Умар-ага высказался за то, чтобы прекратить сопротивление в Египте и уйти в Сирию. «Вследствие этого, — писал 'Иззет Хасан-эфенди, — было сочтено необходимым его покарать и отправить в отставку»¹⁷³. По принятой

¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 81. Письмо В.С. Томары Франкини от 4/16 июля 1800 г.

¹⁶⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 145. Письмо В.С. Томары Ф.В. Ростопчину от 1/13 декабря 1800 г.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. Письмо В.С. Томары гр. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ *Ад-Дарендели*. Зийа-наме. С. 299.

Янычар-ага. Художник Пьер Дюфло. 1780 г.

у османов «византийской» манере наказания неугодных сперва ‘Умар-ага 16 апреля¹⁷⁴ был награжден титулом *мирмирана*¹⁷⁵ и назначен комендантом Эль-Ариша. Это позволило отделить янычар-баши от преданных ему солдат и офицеров корпуса, но не могло усыпить его бдительность. Франкини в донесениях обращал внимание на то, что ‘Умар-ага опасался лишиться головы в силу гнева садразама¹⁷⁶. По словам итальянца, новоназначенный комендант Эль-Ариша связался с ним «из своей ссылки», прося хранить их общую тайну и по возможности ему помочь¹⁷⁷. Однако «прошло немного времени, — с тайным удовлетворением констатировал ад-Дарендели, — как окончился отмеренный ‘Умар-аге срок жизни, и предал себя он на милость Аллаха Всевышнего [скончался. — Т.К.]»¹⁷⁸.

Подозрительным здесь кажется то, что ‘Умар-ага был сперва снят с должности, а затем, вероятно, и убит — как бунтовщик. Вряд ли констатация очевидного факта — о необходимости оставить Египет — могла стать основанием для смертного приговора: никто из других высоко-

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 23. Bulletin de Nouvelles. Jaffe 2/12 Avril 1800.

¹⁷⁵ Мирмиран (от *’амир аль-’умара’* — араб. «главный эмир») — османский почетный титул, предоставлялся двухбунчужным пашам и был равен титулу бейлербея.

¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 23. Bulletin de Nouvelles. Jaffe 2/12 Avril 1800.

¹⁷⁷ Там же. Л. 10 об. Lettre chifree du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁷⁸ *Ад-Дарендели*. Зийа-наме. С. 299.

поставленных сановников и военачальников, бежавших с берегов Нила, так наказан не был. Можно предположить, что были какие-то иные обстоятельства, повлиявшие на участь янычар-паши.

Однако аргументы, заставляющие сомневаться в рассказанной Франкини истории с произведенной диверсией и подкупом 'Умар-аги, более весомые.

Начнем с того, что причина разрыва Эль-Аришских соглашений хорошо известна историкам. Адмирал Джордж Э. Кейт (1746–1823), командовавший британским флотом в Средиземноморье, не имея соответствующих распоряжений из Лондона, отказался признавать отдельные договоренности и пропускать суда с вооруженными французскими солдатами. Дневниковые записи самого Франкини подтверждают, в какой панике пребывало османское командование, получив известия от адмирала Кейта и желая предотвратить возобновление военных действий¹⁷⁹. Достигнутое в Эль-Арише соглашение об эвакуации французов потеряло смысл, и Клебер решил нанести упреждающий удар.

Информации же об угрожавших французам волнениях в янычарском корпусе 18–19 марта 1800 г. нет ни в хронике каирца 'Абд ар-Рахмана аль-Джабарти¹⁸⁰, ни в записях личного летописца великого везира 'Иззет Хасан-эфенди ад-Дарендели¹⁸¹, ни в мемуарах находившегося в те дни в османском лагере Джона Мориера¹⁸², ни в письмах самого Клебера великому везиру и Наполеону Бонапарту¹⁸³. В беседах со своими военачальниками французский генерал-аншеф также не говорил ни слова о том, что поводом к расторжению перемирия стала угроза враждебных действий янычарского корпуса¹⁸⁴.

Российский исследователь А.В. Чудинов связал заявление Франкини с происшествиями начала марта 1800 г. 3 марта на городском базаре произошло столкновение между французскими солдатами и проникшими в столицу янычарами, беспорядки продолжались еще пару дней.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 20–27. Journal de voyage. 27 Febrier/10 Mars — 7/18 Mars 1800.

¹⁸⁰ 'Абд ар-Рахман Аль-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М.: Наука, 1962. С. 250.

¹⁸¹ Ад-Дарендели. Зийа-наме. С. 284–285.

¹⁸² Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army. P. 85–90.

¹⁸³ Kléber et Menou en Egypte depuis le depart de Bonaparte (Aout 1799 — Septembre 1801). Documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine par M. François Rousseau. P.: A. Picard et fils, 1900. P. 248–252.

¹⁸⁴ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Vol. VII. P.: A.-J. Dénain et Delamare, 1834. P. 362–372.

Жертвы были единичными, однако эти стычки дали предлог французам потребовать отсрочки эвакуации из Каира¹⁸⁵. Франкини в письме от 8 марта упоминал об этих столкновениях, картину которых он собрал «из разных противоречащих друг другу рассказов»¹⁸⁶. Слухи, дойдя до российского агента, гласили аж о 30 погибших французах и 200 турках, пока «дела не были приведены в спокойствие и возвратились к своему первоначальному состоянию»¹⁸⁷.

Крайне подозрительным выглядит и то, что в донесениях Франкини, датированных мартом и апрелем 1800 г., не содержится никаких упоминаний либо даже намеков на произведенную им диверсию. Сообщения о подкупе янычар-паши появляются только в письмах от 11 и 18 мая. При этом 14 марта 1800 г., за несколько дней до баталии под Каиром, российский агент сетовал на безденежье¹⁸⁸, что плохо соответствует его возможностям дать крупную взятку.

Вместе с тем упомянутая Франкини сумма, якобы пошедшая на подкуп Умар-ага, фигурирует в другом майском письме надворного советника, причем опять-таки в связи с францисканскими монахами Святой земли. В сообщении от 26 мая 1800 г. Франкини писал, что Йусуф Зийа-паша потребовал у трех христианских монастырей Иерусалима — католического, православного и армянского — выдать ему заем в 180 тыс. пиастров. Деньги были нужны садразаму на сбор и содержание новой армии. Опасаясь вызвать недовольство союзников, он попросил подкрепить требование займа подписью российского агента. Франкини поставил автограф, но отметил, что практического результата это не возымело: францисканская община оказалась неспособна выдать османским представителям даже положенные ей к выплате 2 тыс. цехинов¹⁸⁹.

Прямых доказательств нет, но, исходя из имеющихся данных, можно сделать следующее предположение. В мае 1800 г. итальянец стал свидетелем и невольным участником истребования значительной суммы денег с иерусалимских монахов, из которых католическая община находилась в наиболее бедственном положении. Со времени Французской

¹⁸⁵ Чудинов А.В. Забытая армия. С. 196–197.

¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 96 об. Lettera di Dragomano Franchini. Bilbeys, 25 Febbraro / 8 Marzo 1800.

¹⁸⁷ Там же. Л. 97 об.

¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 67 об. Lettera di Dragoman Franchini. Kankié, 3/14 Marzo 1800 г.

¹⁸⁹ Там же. Д. 226. Л. 347 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 15/26 Maggio 1800.

революции и крушения династии Бурбонов в Кустодию Святой земли¹⁹⁰ перестали поступать дотации из Франции, а после переноса военных действий в Италию иссяк поток денег и с Апеннинского полуострова. В 1799 г. перестала приходить финансовая поддержка и из союзной Франции Испании. После высадки в Египте экспедиционного корпуса Наполеона Бонапарта, а в особенности после начала Сирийского похода, иерусалимские монахи-францисканцы стали жертвами гонений местных мусульман. Об этом сокрушались даже местные православные иерархи, не забывая, впрочем, подчеркивать, что и их община пострадала за оказанную францисканцам «братскую» помощь¹⁹¹. Немало должен был обеспокоить Франкини и состоявшийся в ноябре 1799 г. визит в Иерусалим коммодора Сиднея Смита. В город коммодор вступил под развевавшимся Юнион Джеком с изображенными на нем крестами и пообещал францисканцам взять под британскую протекцию все владения Кустодии в Палестине. Поразмыслив, монахи отказались отдать эту привилегию королю-некатолику¹⁹². При этом, считал Франкини, положение Кустодии после наделавшего шуму визита Смита в Иерусалим лишь ухудшилось¹⁹³.

В этих обстоятельствах Франкини мог договориться с францисканцами о выдаче им векселя под якобы позаимствованную сумму в 2 тыс. цехинов, которые требовал у них садразам. Эту сумму монахи могли получить в российском посольстве в Стамбуле и отдать Йусуфу Зийа-паше в Яффе. Наградой России стала бы признательность Кустодии, которую надворный советник избавил от разорения или репрессий османских властей. О деталях договоренностей между руководством

¹⁹⁰ Кустодия Святой земли (*лат.* Custodia Terræ Sanctæ) — подразделение ордена францисканцев, уполномоченного папой хранить святыни Римско-католической церкви в Палестине. Начиная с 40-х гг. XVIII в. приоритет в покровительстве католическому присутствию на Святой земле принадлежал Франции, однако руководство Кустодии сохраняло интернациональный характер. «Хранителем» (кустодом) традиционно назначался итальянец, его заместителем-«викарием» — француз, поверенным-«прокурором» — испанец.

¹⁹¹ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 1. СПб., 1901. С. 28–30; *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 90–92.

¹⁹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 16–16 об. Traduction par extrait d'une lettre du Drogman Frankini.

¹⁹³ Там же. Д. 906. Л. 15 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

Кустодии и российским агентом судить трудно. Однако во взаимоотношениях царских властей и католиков Средиземноморья к тому времени уже случился знаменательный прецедент: Павел I за полтора года до того принял титул Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена). Так почему бы российскому императору, а не его британскому коллеге в скором времени было не стать и покровителем католиков Иерусалима?!

Возможно, воспоминания о произошедших в начале марта столкновениях янычаров с французами в Каире и информация об опале и скоропостижной кончине янычар-паши навели Франкини на мысль: а что, если представить себя в качестве спускового рычага начавшегося необратимого процесса?! Поскольку сепаратную конвенцию Порты с командованием французского корпуса в Египте не удалось предотвратить, то отчего не получить лавры того, кому довелось разрушить перемирие, хотя бы ценой гибели всей османской армии?! Покойный Умар-ага уже не мог опровергнуть слова российского агента, и Франкини был вправе рассчитывать на награду и похвалу со стороны начальства в Стамбуле, а то и в самом Петербурге.

Конечно, речь идет о предположениях, мы никогда не узнаем, что было в мыслях у российского чиновника, спасшегося с остатками османского войска из Египта в Палестину. В защиту Франкини можно лишь сказать, что год похода сказался на нем крайне тяжело, а бегство через Синайскую пустыню нанесло мощнейший удар по его физическому и психологическому состоянию.

Последние недели

К лету 1800 г. Франкини уже не представлял тем полным энтузиазма и здоровья 30-летним карьеристом, который год назад покинул Стамбул. Да и, судя по его письмам, все османское командование к тому времени являло плачевное зрелище. «Действительно, — писал он, — испытывать физические и моральные неудобства четырнадцати месяцев похода, подвергаться опасностям всех ужасов несчастливой войны, вдыхать грязные испарения и получать нездоровую пищу, — все это привело в жалкое состояние лиц, сопровождающих это правительство. В[еликий] визир, мучимый лихорадкой, чувствует себя более-менее сносно не более пяти дней кряду. Кехайя-бей, едва оправившись от серьезной болезни, переживает тяжелый рецидив, сейчас у него все

еще идет кровь. Рашид-эфенди, замещающий дефтердара, ни единого дня не чувствует себя хорошо. Я даже ничего не говорю о других эфенди и служащих, большую часть которых едва можно узнать. Армия не избежала ни злокачественной лихорадки, ни чумы, которая начала проявлять себя в пору, когда обычно она прекращается... Нет никого, — заключает Франкини, — кто не предпочел бы изгнание своему существованию в этой армии»¹⁹⁴.

Кульминацией года испытаний стало бегство с остатками османских войск в Палестину. Непосредственно перед переходом через пустыню Франкини потерял связь со ставкой садразама и, как сообщал в посольство, «среди криков и угроз, в суматохе убегающих, оказался в окружении разбойников, готовых на любое преступление»¹⁹⁵. Не видя ни одного знакомого лица, боясь стать жертвой произвола османских солдат или попасть в рабство к бедуинам, коллежский асессор договорился с подразделением дал кылыч о предоставлении ему защиты на условии выплаты 3 тыс. пиастров¹⁹⁶. На оказавшемся в беспомощном положении европейце стремились нажиться все: предоставившие ему гарантии безопасности янычарские командиры; охранявшие по ночам палатку солдаты; племенные шейхи, предоставившие убежище и верблюдов; османские служащие, заботившиеся о размещении в Газе и Яффе; лица, втрядорога продававшие еду драгоману и его слугам и корм для его лошадей и верблюдов. По словам Франкини, цена стакана воды в пустыне доходила до 20 пиастров¹⁹⁷ — столько же приставленный к нему янычар зарабатывал за месяц. Всего за время перехода от Каира до Яффы коллежский асессор утверждал, что потратил более 5 тыс. 700 пиастров, подробный отчет о чем он предоставил в посольство¹⁹⁸. Недостающие деньги он занял уже в Палестине у раис-эфенди, выдав взамен расписку от имени своего начальника¹⁹⁹. Российский агент в целости добрался до Яффы, но лишился в пути лошадей и практически всего имущества, включая «вещи первой необходимости, остаться без которых означает выйти за рамки всяких приличий»²⁰⁰.

¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 39–39 об. *Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.*

¹⁹⁵ Там же. Д. 922. Л. 45. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. Л. 51 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁸ Там же. Л. 51–52 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁹ Там же. Л. 46. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

²⁰⁰ Там же. Л. 46 об.–47. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

Неимоверная дороговизна продуктов питания, царившая в Яффском лагере²⁰¹, усугубляла финансовое положение драгомана. А оно было отчаянным. По сути, Франкини пришлось заново заниматься снаряжением своей маленькой миссии, начиная практически с нуля. Письма этого периода балансируют на грани шантажа и мольбы. К психологическому стрессу, бытовым неудобствам, безденежью добавились и проблемы со здоровьем²⁰². У российского агента, произведенного к тому времени «за отличное усердие в службе и рачительное отправление должности»²⁰³ в чин надворного советника²⁰⁴, резко упало зрение. После бегства через пустыню он пожаловался на болезнь глаз²⁰⁵. В результате сперва 18 мая²⁰⁶, а затем 12 июля 1800 г. Франкини направил начальству прошение отозвать его из османской ставки, «учитывая, — писал он, — подорвавшееся здоровье, мою глазную болезнь, ежедневные опасности, которым я подвергаюсь, злокачественную лихорадку и чуму»²⁰⁷. Впрочем, если немедленный отзыв был невозможен, надворный советник просил предоставить ему четырех янычар и помощника, которому можно было бы доверить копировать документы, ни в коем случае не османского подданного. «Это позволит мне вздохнуть с облегчением, а в случае болезни найдется кто-нибудь, кто позаботится о моих бумагах»²⁰⁸, — обосновывал он свою просьбу.

Под Яффой и в целом в Палестине продолжалась эпидемия чумы, позволившая Бонапарту годом ранее совершить один из своих эффективных поступков, запечатленных кистью Антуана-Жана Гро. Но-

²⁰¹ Там же. Л. 47. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

²⁰² Там же. Л. 52 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800..

²⁰³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 224. Л. 25. Канцелярская цидула КИД Томаре от 15 марта 1800 г.

²⁰⁴ Императорский указ от 14 февраля 1800 г. был доведен до сведения Франкини в апреле того же года (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 921. Л. 51. Письмо В.С. Томары гр. Панину от 1/13 апреля 1800).

²⁰⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 922. Л. 47 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800. Дж. Мориер во время перехода через Синайскую пустыню также жаловался на глаза, которые начали болеть от нестерпимого блеска белого песка и мельчайших песчинок, поднимавшихся в воздух от малейших порывов ветра и от тысяч ног людей и животных (*Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army. P. 43*).

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 922. Л. 49 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

²⁰⁷ Там же. Д. 917. Л. 39 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

²⁰⁸ Там же.

Бонапарт посещает зараженных чумой в Яффе 11 марта 1799 г.
Художник Антуан-Жан Гро. 1804 г.

вая вспышка заболевания произошла в ноябре 1799 г. в еврейском квартале Иерусалима²⁰⁹. Очевидно, именно Святой город стал очагом распространения болезни. В июне 1800 г. Франкини писал, как в его доме остановился русский паломник о. Варлаам, возвращавшийся с поклонения храму Гроба Господня. Расположившись в комнатах, странник почувствовал легкое недомогание, которое быстро приняло тяжкую форму. Была диагностирована чума, и на третий день больной скончался. Страх заражения заставил российского агента перебраться в другой дом²¹⁰. Расходы на переезд и съем нового жилья Франкини покрыл, заняв 2500 пиастров у раис-эфенди²¹¹. На закупку нового конского экипажа, палатки и пр. он запросил у начальства еще 7–8 тыс. пиастров²¹². «Впрочем, — писал он посланнику Томары, — я готов просить В[аше] П[ревосходительство] о немедленном отзыве, если мое пребывание в лагере представляется дорогостоящим и ненужным»²¹³. При этом, требуя немалые суммы, сам Франкини не забывал баловать своего шефа небольшими подарками. Например, в начале июля 1800 г. отправил посланнику полюбившееся ему 20-летнее кипрское

²⁰⁹ Там же. Д. 907. Л. 59 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 21 Novembre/2 Décembre 1799.

²¹⁰ Там же. Д. 916. Л. 65. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 5/16 Juin 1800.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. Д. 917. Л. 40. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

²¹³ Там же.

десертное вино командария, «совершенного качества, лучшее из тех, что можно найти»²¹⁴.

В.С. Томара не оставался глух к мольбам и проявлял заботу о своем протееже. В июне 1800 г. он выслал Франкини три пары увеличительных очков²¹⁵, а в августе согласился выделить дополнительно 7 тыс. пиастров для покупки нового походного экипажа взамен утраченного. Обосновывая траты, посланник писал императору, что «сохранение без ущерба влияния нашего в Правительстве турецком требует продолжения пребывания при Визире драгомана Российскаго»²¹⁶. В письме вице-канцлеру графу Н.П. Панину посланник делал акцент на известном как самому В.С. Томаре, так и его предшественнику В.П. Кочубею «безкорыстии» Франкини: «ибо в положении его при правительстве, которое всем торгует, легко было бы ему избыточествовать, а не нуждаться»²¹⁷. В результате рачительный Павел I распорядился выдать «надворному советнику Франкинию» только 3 тыс. пиастров на экипаж, а также повысить его месячное жалованье с 500 до 800 пиастров²¹⁸.

В последние дни жизни Энрико Франкини наконец-то появляется на страницах сторонних источников. На протяжении всего похода он оставался фактически «невидимой фигурой»: его имени не упоминают ни турок ад-Дарендели, ни британцы Джон Мориер и Сидней Смит, ни французы Ж.-Б. Пусьельг и Луи Ш.-А. Дезе. Однако «представитель России»²¹⁹ «синьор Франкини»²²⁰ фигурирует в сочинениях членов греческой монашеской колонии в Иерусалиме (так называемого «Святогробского братства»): архимандрита Максима Симского (ум. 1810), драгомана Иерусалимской патриархии и патриаршего наместника Прокопия Назианзина (1776–1822), за блестящее владение арабским языком прозванного турками «Араб-оглу» («Сын араба»), и в несколько более

²¹⁴ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Д. 4770. Л. 121. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 28 Giugno/9 Luglio 1800.

²¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 84. При этом В.С. Томара не преминул упомянуть их цену: 200, 150 и 90 пиастров за пару.

²¹⁶ Там же. Д. 917. Л. 14 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 августа 1800 г.

²¹⁷ Там же. Д. 921. Л. 3 об. Письмо В.С. Томары гр. Панину (без даты).

²¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 1. Л. 116. Рескрипт Павла I от 29 июля 1800 г.

²¹⁹ *Прокопий Назианзин Арабоглу*. Попираемый Иерусалим. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 183.

²²⁰ *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 92.

позднем труде секретаря патриархии Неофита Кипрского (ум. после 1844). Все эти летописцы отзываются о российском агенте с большой теплотой и признательностью: Максим Симский упоминает о миссии Франкини «защищать греческий монастырь»²²¹, Прокопий Назианзин называет его «помощником» православной общины²²², а Неофит Кипрский — «помощником и заступником» и «выдающимся человеком»²²³.

По сути, надворный советник оказался первым российским чиновником, вмешавшимся в межконфессиональную борьбу за Святые места Палестины. Католическая община Иерусалима находилась в крайней немилости османских властей вследствие французского вторжения в Левант, и противоборство развернулось между армянами и грекоправославными. Как сообщают греческие источники, армянам удалось дать взятку садразаму при посредничестве их соотечественника придворного *саррафа*²²⁴ Киркора²²⁵. В результате Йусуф Зийа-паша якобы издал тайный указ, «разрешающий Армянам беспрепятственно и свободно совершать свое обычное богослужение во всех общих местах поклонения в Иерусалиме, как внутри Иерусалима, в храме, так и вне Иерусалима, в Вифлееме и Гефсимании, воспрепятствующий Грекам препятствовать им в этом»²²⁶. Однако Франкини вместе с драгоманом Караджа, умиленно вспоминал Прокопий Араб-оглу, «вдохновенные божественною ревностью сообщили должное визирю и убедили его уничтожить постановление, которое он дал»²²⁷. Через три дня после этого армянский патриарх Иерусалима умер в Яффе «от горя и болезни»²²⁸, вероятно, от чумы.

Вскоре жертвой эпидемии пал и Франкини. 9 августа 1800 г. у российского драгомана проявились признаки заболевания, и 6 дней спустя он испустил дух. Британский врач Уильям Уитмен прибыл в османский лагерь незадолго до смерти Франкини и упомянул обстоятельства кон-

²²¹ Там же.

²²² Прокопий Назианзин Араб-оглу. Попираемый Иерусалим. С. 183.

²²³ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 1. СПб., 1901. С. 32.

²²⁴ Сарраф (от араб. *саррафа* — «продавать товары», «менять деньги») — меняла, оценщик монет. Саррафы, являвшиеся исключительно немусульманами, выступали также в качестве ростовщиков.

²²⁵ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 31.

²²⁶ Прокопий Назианзин Араб-оглу. Попираемый Иерусалим. С. 182.

²²⁷ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 32.

²²⁸ Там же.

чины последнего в своем сочинении²²⁹. О смерти российского агента «от моровой язвы» посланнику В.С. Томаре сообщил член Кустодии Святой земли францисканец о. Габриэль²³⁰. Для самого посланника уход его протееже из жизни стал личной драмой. «Я не в силах изъявить перед Вашим Сия[тельство]м, — писал он фактическому главе Коллегии иностранных дел гр. Ф.В. Ростопчину (1763–1826), — душевного огорчения, с которым чувствую утрату надв. советника Франкиния»²³¹. Не доставил радости уход российского драгомана и османским властям в Стамбуле. Как писал Томара Павлу I: «Порта зделала привычку получать обстоятельныя новости тамошняго края чрез меня на жизньию покойнаго Франкиния»²³².

Незадолго до смерти надворный советник собрался с силами и уничтожил все имевшиеся у него секретные документы, включая шифры. Что касается остальных бумаг, то, как сообщал В.С. Томара, «за несколько часов перед кончиною, будучи свободен от сильной горячки», Франкини отдал их на хранение симпатизировавшему России бывшему раис-эфенди Расих-эфенди²³³. Своим братьям Энрико оставил «посредственной экипаж, нестоющей 5000 пиастров и многие долги, в числе коих 2000 пиастров надворному советнику Конюшенке»²³⁴.

²²⁹ Wittman W. Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert. P. 137–138.

²³⁰ АВПРИ. Ф. ВКД. № 2. Р. 15. Оп. 2. Д. 4. Письмо от fr. Gabriele di Madrid, надзирателя монастыря Св. Гроба в Яффе.

²³¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 99. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

²³² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 918. Л. 43 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 2/14 октября 1800 г.

²³³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 99. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

²³⁴ Там же. Л. 145. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 декабря 1800 г.

REFERENCES

1. *Arapov D.Y.* Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII — early XX century)]. Moscow: MPGU, 2004 (in Russ.).
2. *Chudinov A.V.* Padenie francuzskogo el'-Arisha. Dekabr' 1799 g. [The fall of the French El Arish. December 1799] // Francuzskij ezhegodnik [French Yearbook]. Moscow, 2017. P. 55–93 (in Russ.).
3. *Chudinov A.V.* Zabytaya armiya. Francuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800 [The Forgotten Army. The French in Egypt after Bonaparte. 1799–1800]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2019 (in Russ.).
4. *Ersheva O.P.* Staroobryadchestvo i vlast' [Old Believers and power]. M.: Unikum-centr, 1999 (in Russ.).
5. *Kirillina S.A.* Ocharovannyye stranniki. Arabo-osmanskij mir glazami rossijskih palomnikov XVI–XVIII stoletij [Enchanted wanderers. The Arab-Ottoman world through the eyes of Russian pilgrims of the XVI–XVIII centuries]. Moscow: Klyuch-S, 2010 (in Russ.).
6. *Kobishchanov T.Y.* The «Greek Project» of Catherine II and Syria («Gretcheskii project» Ekateriny II i Siriya) // Vestnik Moskovskogo Universiteta, part 13. Oriental Studies. Moscow, 2017. Vol. 2. P. 3–25 (in Russ.).
7. *Kobishchanov T.Y.* Preodolevaya starye obidy: Osmanskij put' k podpisaniyu soyuznogo dogovora s Rossiej v 1798 g. [Overcoming Old Grievances: The Ottoman Way to the Signing of the Union Treaty with Russia in 1798] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istoriya [Electronic scientific and educational magazine History]. 2020. Vol. 11. № 98. P. 1–30 (in Russ.).
8. *Zheltyakov A.D.* Russko-tureckie kul'turnye svyazi [Russian-Turkish Cultural Ties] // [Rossiya i Vostok Russia and the East]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. P. 105–138 (in Russ.).

Ключевые слова:

Россия на Ближнем Востоке, Большая игра, борьба за Святые места Палестины, Вторая антифранцузская коалиция, Французская экспедиция в Египет, Энрико Франкини.

Taras Y. Kobishchanov

ENRICO FRANCHINI'S WAR. RUSSIAN AGENT IN THE OTTOMAN CAMPAIGN AGAINST EGYPT (1799–1800)

At the end of the 18th century Russian diplomacy was both young and quite mature. The precision of bureaucratic procedures was naturally combined in it with the adventurism of loner heroes who had mastered hitherto unknown spaces. The names of many Russian pioneering diplomats are forgotten, as happened with the employee of the Embassy in Constantinople, a native of Tuscany Enrico Franchini (1769–1800). Franchini happened to become the first Russian employee in official status to march from Istanbul to Cairo, through Anatolia and Syria. Much was new to him in this short-lived mission in the Middle East. In 1798 for the first time, Russia and Turkey have entered an official alliance. It was Franchini, obviously, who happened to see the beginning of the dispute between Russia and the West over the Holy Places of Palestine and the first flashes of the «Big Game» between St. Petersburg and London for dominance in the Muslim East. Finally, Franchini claimed that it was he who broke the separate Ottoman-French treaty, which led to a new round of hostilities in Egypt. The presented article is devoted to the activities of this extraordinary diplomat.

Key words: Russia in the Middle East, the Big Game, the Struggle for the Holy Places of Palestine, the Second anti-French Coalition, the French Expedition to Egypt, Enrico Franchini.

Taras Y. Kobishchanov — Associate Professor of the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова